

Шкатулка баронессы Грей

Татьяна Крылова

Татьяна Крылова
Шкатулка баронессы Грей

«Автор»

2010

Крылова Т. П.

Шкатулка баронессы Грей / Т. П. Крылова — «Автор», 2010

ISBN 978-5-532-08599-2

Ошибка стоила Лайзе свободы. Уличенная в воровстве, она попала в тюрьму, где в лучшем случае могла провести долгие годы. Но некто в черной маске организовал девушке побег и предложил работу. Весьма странную работу, от которой нельзя отказаться. Так кем же предстоит ей стать? Воровкой в высшем свете? Или горничной баронессы Грей - знатной дамы, которой не существует? И не безопаснее ли для Лайзы вернуться за решетку и не ввязываться вовсе в дела таинственного господина?

ISBN 978-5-532-08599-2

© Крылова Т. П., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Маска и его господин	8
Глава 2. Анна-Мария Флёр	15
Глава 3. О том, как Джон выбирал себе помощницу	23
Глава 4. Анна-Мария собирается на бал	30
Глава 5. Лайза делает второй шаг	38
Глава 6. Беспокойство королевы	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Татьяна Крылова

Шкатулка баронессы Грей

Пролог

Облокотившись на открытую крышку бюро, вполоборота к распахнутому настежь окну ее величество Маргарита сидела на стуле красного дерева, погруженная в собственные мысли, не замечающая давно овладевшей комнатой ночи. Глаза женщины привыкли к темноте, и в свете луны она различала окружающие предметы, ничуть не хуже, чем если бы на помощь ей пришла пара свечей. Бюро, несколько стульев из того же гарнитура, что и служивший сейчас ее величеству, огромная кровать под золотым балдахином – за прошедшее с начала ее добровольного уединения время королева невольно успела изучить мельчайшие признаки старости на имевшихся в спальне вещах.

Из-за двери, ведущей в малую гостиную, доносились негромкие голоса фрейлин королевы. При желании к этим звукам можно было прислушаться и разобрать несколько слов, чтобы понять, о чем щебетали девушки. Однако ее величество не имела такого желания прежде, и не могло оно появиться у женщины теперь, когда дожидалась она возвращения своего супруга.

Его величество Леонард добросовестно проработал весь день в своем кабинете, честно выслушал посланца королевы, просившей аудиенции у супруга, не кривя душой, отказал, сославшись на важные государственные дела.

Королева вздохнула, вспоминая слова, переданные ей. В важности ожидавших короля дел ее величество ничуть не сомневалась: по крайней мере, для его величества эти дела были куда важнее вечера в обществе нелюбимой и нелюбящей супруги. И, пожалуй, учитывая взаимную нелюбовь, королева могла бы простить королю его отсутствие в этот вечер подле себя. Если бы только его величество не проводил сейчас время в обществе герцогини Шарлотты Норуа. Если бы только его величество не проводил в обществе герцогини Шарлотты каждую ночь вот уже вторую неделю...

Негромко вздохнув, королева Маргарита смахнула слезинку, посмевающую появиться на мягких ресницах. Пожалуй, вернулась к своим мыслям женщина, она могла закрыть на все глаза, если бы только Леонард приложил хоть капельку усилий для того чтобы его связь с герцогиней не вызвала столько пересудов и не стала причиной разговоров о немилости законной супруги. Король не смел вести себя подобным образом, подавая недостойный пример своим подданным, которые, как дети, впитывают всякую гадость быстрее пользы.

– Дети... – едва слышно прошептала королева. – Как хорошо, что они еще незаметны...

Она чуть наклонила голову, коснулась левой рукой корсета в области живота. Это была еще одна причина, по которой ее величество не могла не ответить на поведение короля. Она не могла допустить, чтобы ее дети были рождены в сложившихся условиях. Жизнь детей не должна начинаться на поле боя, пусть даже бой этот ведется в стенах королевского дворца. И это, в свою очередь, стало поводом к предстоящему разговору.

Да, сегодня ее величество Маргарита раз и навсегда прекратит всякие отношения с королем, разорвет узы, связывающие их, и уедет, чтобы быть с любимым человеком, пока единственным в целом мире. С ним – со своим отцом – она уже обо всем договорилась. Он обещал все устроить, чтобы его величество впоследствии не узнал о своем отцовстве и не посмел отнять у женщины единственное сокровище.

Чуть слышный шорох, казалось, прозвучавший в одной из стен, привлек внимание королевы, возвращая к действительности. Ее величество встала, расправила складки своего платья,

поправила прядь волос, упавшую на лоб. Перед своим супругом она должна была предстать победительницей, а не побежденной.

Шорох смолк, раздался щелчок, и часть стены возле бюро отошла в сторону. В комнату ворвался тусклый свет, ненадолго ослепив привыкшие к темноте глаза ее величества. Впрочем, вида женщина не подала, даже не поморщившись при появлении короля со свечой в руке.

– Вы? – его величество поправил полы шелкового халата, стараясь скрыть свою растерянность за небрежным движением. – Моя дорогая, что вы здесь делаете?

Женщина склонилась в поклоне.

– Дожидаюсь вас, мой король.

– Это я вижу. Но зачем, позвольте узнать?

Вместо ответа Ее величество Маргарита устремила взгляд на руку короля, сжимавшую подсвечник. Прислушалась к голосам фрейлин: девушки по-прежнему щебетали в гостиной. Все шло согласно расчету королевы.

Не дождавшись ответа и ничуть не смущенный пристальным взглядом ее величества, король подошел к бюро, поставил подсвечник и опустился на стул, властным жестом подзывая к себе супругу.

– Последние дни вы пугаете меня, дорогая. Вы печальны, и это плохо сказывается на вашей коже. Вы давно смотрелись в зеркало? Вы бледны, как смерть, ваше величество. Прошу вас исправить это обстоятельство.

– Непременно, мой король, – отозвалась королева, не отнимая взгляда от руки супруга.

– Да, что вы там увидели?! – вскричал его величество, не находя больше сил игнорировать взгляд женщины.

– Ничего, мой король. В том все и дело, что ничего. Еще два дня назад я заметила, что на вашей руке нет фамильного перстня...

– Так вот, значит, кто устроил переполюх и заставил слуг обыскать весь дворец. Это было ни к чему, моя дорогая.

– Но... Как же так, ваше величество? Ведь это перстень ваших предков!

Королева переменилась в лице. Удивление сменилось смущением, причем, не менее наигранным.

– Извините меня, мой король. Вы, верно, знаете, где этот перстень. Мне не следовало вмешиваться. Но я волновалась! И если вы, мой король, покажете мне ваше сокровище сейчас, вы прогоните мою печаль, как вы того и хотели.

Не сводя пристального взгляда с лица супруга, ее величество сделала реверанс. Король нервно сглотнул. Он, несомненно, понял, что не только ему и герцогине Шарлотте известно о местонахождении фамильного перстня королевского рода. Как бы там ни было, когда его величество заговорил, голос его прозвучал уверенно:

– Я не знаю, где эта безделушка. Должно быть, обронил где-то...

Король пожал плечами и отвернулся. И потому не заметил, как сверкнули глаза его супруги, как резко выпрямилась она и гордо вскинула голову.

– Вы не перстень обронили где-то, ваше величество, – прозвучал стальной голос королевы. – Вы где-то обронили вашу честь.

Королева подошла к бюро, ничуть не тревожась из-за отсутствия на то дозволения его величества. Пододвинув чернильницу ближе к краю стола, женщина положила рядом с ней исписанный и увенчанный печатью кардинала лист бумаги.

– Что это такое? – напрасно шурясь, пытался прочесть король мелкий текст. – Не могу разобрать. Вы же знаете, у меня плохое зрение. Прочтите!

– Это документ о нашем разводе, мой король, – покорно пояснила ее величество.

– О разводе?

– Да. И я советую проявить вам мудрость, ваше величество, и, следуя примеру его высокопреосвященства, подписать эту нехитрую бумагу.

– Что?! – король поднялся и в силу своего роста грозно навис над невысокой женщиной. Впрочем, это не оказало никакого влияния на его супругу:

– Я не намерена больше оставаться вашей женой, мой король, – спокойно произнесла она, наклонилась немного, чтобы дотянуться до пера, макнула его в чернильницу и протянула его величеству.

Пораженный ли ее хладнокровием, удивленный ли тем, как неожиданно обернулось дело, или просто понимающий, что им обоим будет лучше в этом случае, король Леонард оставил росчерк на бумаге и закончил оформление документа своей печатью.

Глава 1. Маска и его господин

По воле случая ли или по каким-то иным, более вероятным причинам, но вышло так, что одной майской ночью из четырех ворот, ведущих на территорию королевского дворца, только у трех стояли часовые. Четвертые – Северные ворота – в эту ночь не только не охранялись, но даже не были заперты на надежный замок. Металлическая цепь и само устройство лежали тут же на траве, поблескивая в свете горевшего на стене факела.

Впрочем, то обстоятельство, что ворота не охранялись, вовсе не означало, что возле них никого не было, когда городские часы пробили полночь. Трепетавшее пламя факела на стене выхватывало из ночного мрака две мужские фигуры, закутанные в черное.

Первый мужчина стоял возле самой решетки ворот, чуть привалившись к державшему кованую створку столбу. Тело его скрывал черный плащ до земли, лицо – черная маска, которую легко было спутать с тенью от широкополой шляпы, надвинутой на самое лицо. Из-под шляпы выбивались длинные волосы, казавшиеся черными. Руки мужчины также были в черных перчатках. На правой, когда мужчина высвободил ее на миг из-под плаща, блеснул перстень с большим драгоценным камнем.

Спутник таинственного господина был одет схожим образом: черная одежда, плащ и маска. Только лицо свое он не старался укрыть особенно тщательно: вместо шляпы на голове был черный платок. И, по всей видимости, не только тайна собственного лица не заботила этого человека, но и тайна собственного тела: в отличие от своего господина, он не кутался в плащ, позволяя случайному свидетелю увидеть пару кинжалов, заткнутых за пояс.

От господина его спутника отличало еще и то, что он не желал спокойно и хоть сколько-нибудь долго стоять на одном месте. Всякий раз, отойдя на пару метров от своего господина, Маска останавливался, напряженно вглядывался в ночной мрак, после чего двигался в обратном направлении. Движения его были легкими, быстрыми, несколько резкими, что выдавало молодость спутника таинственного господина, в то время как горделивость осанки выдавала его знатное происхождение.

Закончив очередной маневр, Маска остановился напротив господина и устремил на него вопросительный взгляд. Господин покачал головой.

– Это неразумно! – воскликнул молодой человек. Его звонкий голос прозвучал на пустынной улице, пожалуй, слишком громко. – Мы ждем уже почти целый час...

– Подождем еще, – едва слышно произнес господин, пытаясь тоном своего голоса успокоить спутника. – Сегодня на улицах города много солдат. Вероятно, они и стали причиной задержки.

– Но это опасно! – вновь воскликнул Маска. – Дворцовая охрана уже сменилась, и скоро здесь пройдет патруль.

– Мы легко укроемся в парке, – откликнулся его господин и повторил с заметной настойчивостью: – Подождем еще.

Молодой человек недовольно фыркнул, но все же покорился. Тяжело вздохнув, он провел рукой в перчатке по холодным ножнам кинжалов от рукоятей вниз, будто успокаивая себя близостью наточенного оружия, после чего вернулся к прежнему хождению.

На своего господина Маска больше не обращал внимания, а потому не заметил, как пристально следят за ним глаза мужчины. И господин был этому рад. Он знал, как ловко подмечает его спутник малейшие изменения в поведении или настроении окружающих людей. Несомненно, поймай сейчас Маска взгляд своего господина, он распознал бы одолевавшее мужчину беспокойство. Господин чуть наклонил голову, и Маска пропал из поля его зрения. Так было легче справиться с нахлынувшими чувствами: от мысли, что в результате их затей Маска может пострадать, господину сделалось не по себе.

В тревожном ожидании минуло еще несколько минут. Маска усердно топтал подъездную дорогу, господин размышлял о причинах, побудивших его обратиться за помощью к Маске и пробудивших его сильнейшее волнение. Наконец, молодой человек остановился, прислушался и, хотя в этом уже не было нужды, привлек внимание своего господина к тому, что показалось из-за угла стены, окружавшей королевский дворец и парк. Массивная деревянная конструкция медленно и почти бесшумно приближалась к Северным воротам. Лишь изредка слышались тяжелое дыхание уставших лошадей, да стук их копыт.

Вскоре стало возможно разглядеть, что это карета из тех, которые используют полицейские для перевозки заключенных. Доехав до ожидавших ее людей, карета остановилась, кучер спрыгнул с козел и подошел к Маске.

– Я уж и не надеялся, что вы меня дождетесь, – произнес он.

– Где остальные?

– Им пришлось отстать, чтобы сбить со следа солдат.

– Что ж... Это даже к лучшему... – заметил Маска. Лишние свидетели им с господином были ни к чему.

– Черт возьми! – продолжил тем временем кучер. – Сегодня в городе служителей правопорядка, как собак нерезанных...

Простой человек, кучер вновь хотел выругаться, выражая так долго сдерживаемые эмоции, но вынужден был закрыть рот. Господин сделал шаг от стены по направлению к нему, очевидно считая необходимым перейти к делу. Кучер низко поклонился.

– Вы привезли ее? – как и прежде едва слышно спросил господин.

– Да. Она в карете.

Господин подал знак рукой, приказывая вывести пленницу. Кучер склонил голову, и поспешил исполнить повеление.

Спустя некоторое время перед Маской и его господином предстала девушка лет восемнадцати или девятнадцати в простом, но аккуратном сшитом платье бежевого цвета. За время пребывания в тюрьме и платье, и прическа – две короткие косички, в которые были собраны ее черные волосы, помялись, измазались в пыли и саже. Да и лицо со следами растертой мокрой грязи на нем потеряло приятный вид. Лишь глаза сохранили свой свежий блеск и ясность, невольно располагая к общению со своей обладательницей. На руках у девушки были наручники.

Окинув ее оценивающим взглядом с головы до самого края подола, Маска бросил вопрошительный взгляд на своего господина. Господин кивнул.

– Как тебя зовут? – обратился тогда Маска к девушке.

– Лайза.

– За что тебя арестовали?

Девушка криво усмехнулась и без всякого почтения ответила:

– К чему спрашиваете, господин, коли знаете?

Маска кивнул.

– Как и ожидалось. Над манерами тебе еще придется поработать. Но в остальном ты нам подходишь.

Губы Лайзы вновь скривились в усмешке:

– Право и не знаю, что мне делать с этой информацией. А, господин? Радоваться мне стоит или грустить?

– Молчать, пока не велят говорить, – холодно отозвался Маска.

Отчего-то напуганная стальными нотками в его голосе, Лайза в самом деле сочла за лучшее помолчать.

Тем временем, Маска отстегнул от пояса мешочек с деньгами и протянул его кучеру.

– Здесь сотня золотых, как мы и договаривались. Передай их тем, кого нанимал себе в помощь, и постарайся сделать так, чтобы они забыли об этой ночи.

– С такими деньгами им это будет несложно, господин, – с довольной улыбкой заверил кучер.

Схватив мешочек с деньгами, он быстро поклонился господину и легко забрался обратно на козлы.

– Если я еще понадобится, вы знаете, где меня найти.

Маска чуть заметно кивнул, и карета укатила прочь. Несколько секунд молодой человек хранил молчание, потом подошел к своему господину.

– Вам больше нет надобности здесь оставаться. Я все устрою, – очень тихо прошептал Маска, не желая, чтобы его слова услышала Лайза, переминавшаяся с ноги на ногу в паре шагов от них.

Тому, к кому молодой человек обращался, по всей видимости, не пришлось по вкусу это предложение. Положив руку на плечо своего спутника, господин ответил:

– В тебе я не сомневаюсь, мой друг. Но я останусь здесь.

– Вы напрасно беспокоитесь. Эта девушка не сможет причинить мне вреда. Вы же знаете, я умею за себя постоять.

Маска опустил глаза, намекая на кинжалы за своим поясом. Потом вновь поднял взгляд и нежно улыбнулся.

– Я все устрою, – прошептал молодой человек.

Господину не осталось ничего иного, как только принять предложение своего спутника. Спорить с Маской было бесполезно, в этом мужчина мог не раз уже убедиться на личном опыте.

– Не рискуй больше надобности, друг мой.

– Я обещаю вам это, господин.

Маска немного наклонился вперед и оставался в таком положении до тех пор, пока господин его не скрылся в королевском парке. Затем молодой человек поднял цепь и закрыл ворота на крепкий замок. Когда все было окончено, Маска повернулся к девушке, пристально наблюдая за происходящим и за самим Маской.

Желая отвлечь ее мысли от увиденного, молодой человек заговорил самым дружелюбным тоном, на который был способен:

– Ну, здравствуй, Лайза. Без всякой шутки стоит отметить, что ты великолепная воровка. Иначе и не назовешь того, кто сумел похитить драгоценности двух князей, трех лордов и одного достопочтенного герцога. Вот только с графом Дорианом вышла промашка. Вместо драгоценных металлов в его шкатулке ты нашла металлы тюремные.

Лайза недовольно фыркнула, но, помня о замечании Маски, не стала больше ничего добавлять в ответ.

– Понимаю, тебе неприятно вести со мной эту беседу. Хотя мне кажется это странным. Сегодня чудесная ночь, а я – куда более приятный собеседник, чем тюремные охранники. Ты так не думаешь?

Маска замолчал, и поскольку он, вероятно, ожидал ответа, Лайза заговорила:

– Все так, господин. Вот только тюремщик уже давно бы снял с меня эти наручники.

– Я тоже могу их с тебя снять. Но только в том случае, если ты согласишься кое-что сделать для... – молодой человек задумался, спустя мгновение закончил: – ...одного человека.

– Того, что скрылся в королевском парке?

– Возможно, – отозвался Маска. – И так?

– Прежде чем согласиться, вам не кажется, что я должна выслушать вас?

– А ты не глупа. Это очень кстати.

Оглядевшись по сторонам, Маска оставил на некоторое время Лайзу и подошел к факелу, все еще горевшему на стене. Потушил его. Вернулся к воровке, взял ее за цепь от наручников.

– Скоро здесь должен пройти патруль. Я полагаю, ты не хочешь с ним встречаться. Равно как и я, – прошептал Маска и двинулся вперед, увлекая девушку за собой.

Они шли около десяти минут, петляя по темным улицам, пока Маска, наконец, не остановился перед дверью, ведущей в подвал одного из городских домов. Дверь не была заперта. Легко толкнув ее, молодой человек велел Лайзе спускаться по лестнице.

Этот самый обыкновенный сырой подвал Маска, по всей видимости, подготовил заранее, чтобы привести в него пленницу. Он быстро нашел пару свечей и зажег их. Облокотившись на винную бочку, велел Лайзе занять место на деревянном ящике, накрытом каким-то старым тряпьем. Ящик располагался как раз у самой дальней от входа стены.

Тянуть время не было смысла, так что Маска сразу перешел к делу:

– Я буду с тобой откровенен, но и в ответ буду ждать честности. Для выполнения работы мне нужна воровка, а не разбойница с большой дороги. Согласна ли ты с такими условиями?

Лайза кивнула.

– Ты неплохо знакома с высшим светом, насколько я понимаю, – продолжил он.

– Да, – не стала спорить с очевидным Лайза.

– Значит, ты должна была слышать о том, что некоторые дворяне недовольны политикой, проводимой нынешним королем.

Девушка удивилась. С чего это вдруг незнакомцу в черной маске захотелось обсудить с ней – воровкой – поведение высшего света?

– Конечно, я слышала об этом. Ведь это главная сплетня последних недель, – как можно спокойнее и безразличнее ответила Лайза, не желая выдавать свои мысли незнакомцу.

– И ты понимаешь, что король намерен предпринять меры, чтобы обезопасить себя?

– Разумеется. Было бы странно, если бы он закрыл на это глаза.

В голосе Лайзы послышались испуганные нотки. Поле упоминания его величества, разговор перестал ей нравиться. Меньше всего ей хотелось стать марионеткой в политической игре. А именно к этому все, видимо, и шло.

– А знаешь ли ты, что такое «дворянская честь»? – вдруг задал следующий вопрос Маска.

Лайза удивленно вскинула брови. Подобного поворота разговора она никак не предполагала.

– Разумеется, знаю, – отозвалась девушка, потому что Маска ждал от нее ответа. – Благодаря острому язычку королевы Маргариты и подвигам его величества Леонарда (мир его праху), «дворянской честью» называют фамильные драгоценности древних родов.

– Краля ты их когда-нибудь? – как-то слишком буднично для подобного вопроса поинтересовался Маска.

Лайза побледнела. Несколько раз хлопнула пушистыми ресницами, раздумывая над тем, какой ответ будет безопаснее дать. В конце концов, ответила со всей искренностью, на которую была способна:

– С ума сошли?! Эти безделушки охраняются лучше, чем наш король! И наказание за их кражу – смерть!

Маска вздохнул.

– Ну что ж, – небрежно обронил он, – рано или поздно все бывает в первый раз.

Лайза поднялась со своего места, металлическая цепь неприятно загремела. Маска, хоть это и было против его расчета, никак не отреагировал на происходящее. Он был слишком занят в этот миг мешочком на своем поясе, вроде того, что отдал не так давно кучеру. Звон монет коснулся ушей Лайзы и показался ей самой дивной музыкой, какую только она могла услышать в этом сыром подвале. Эта музыка немного успокоила поднявшуюся тревогу девушки.

– Вы, что же это... серьезно? – решила уточнить воровка. Она решила, что Маска просто играет с ней. Испытывает, проверяет, насколько далеко она готова зайти в обмен на свободу.

Однако Маска не шутил. Вытянув вперед руку с бархатным объемным кошельком, он сказал:

– Здесь сто пятьдесят золотых монет – те деньги, которые могут понадобиться тебе в ближайшее время. По окончании работы ты получишь еще триста пятьдесят монет. Итого: пятьсот золотых монет за всю работу.

Лайза нахмурилась. Пятьсот золотых монет были суммой внушительной. И, пожалуй, даже могли компенсировать риск быть пойманной на краже «дворянской чести».

– И чтобы получить эти деньги я должна буду... – протянула девушка, желая подтвердить или опровергнуть свои догадки.

Маска едва заметно улыбнулся:

– Обесчестить семь или восемь дворянских родов за (самое большее) год.

– Сколько?! – Лайза, как ни старалась, не смогла устоять на месте и... заливаясь звонким смехом, плюхнулась обратно на деревянный ящик. – Нет, вы точно сошли с ума!

Маска наблюдал за ней с холодным спокойствием. Когда девушка успокоилась и, утирая выступившие слезы, обратила вновь свое внимание на него, молодой человек медленно заговорил:

– У короля есть достоверные сведения, что заговорщики не нанесут удара раньше следующего лета. Не все из них еще уверены до конца в том, что его величество осуществит задуманное им. К тому же часть заговорщиков полагает, что король еще слишком молод для того, чтобы строго спрашивать с него за содеянное. Восьмого июня будущего года его величеству исполнится тридцать лет. И именно после этого дня, если его величество до того не изменит своих взглядов, заговорщики нанесут удар.

Разумеется, Лайзе не было никакого дела до проблем короля и каких-то заговорщиков. Отчасти поэтому, отчасти потому, что вышеозначенные слова были произнесены уверенно и четко, девушка не распознала обмана Маски. Он говорил о политике короля, о его возрасте и о том, что это сдерживает заговорщиков. Но молодой человек посчитал необходимым сохранить в тайне то, что не всех заговорщиков это удерживает сейчас от государственного переворота. Один из них – «тот, в личности кого мы пока не можем быть абсолютно уверены, кто так умело играет на чувствах некоторых дворян» – желал свергнуть короля независимо от его деяний, только потому, что его величество Эдуард занимал такое завидное место.

– Таким образом, – подвела Лайза итог имевшего место разговора, – вы предлагаете мне работу на двенадцать месяцев и оплату в пятьсот золотых. Получается... сорок два золотых в месяц. И плюс драгоценности, которые могут стоить...

– Нет! – резко остановил размышления девушки Маска. Давать воровке власть над дворянами, пусть и пошедшими против короля, у него не было ни права, ни желания. – «Дворянскую честь» ты передашь мне.

– А я буду рисковать своей жизнью всего за сорок два золотых в месяц? – Лайза решительно поднялась с места, звякнув цепью от наручников. – За такую мелочь поищите другого исполнителя. Спасибо, что помогли бежать из тюрьмы. Всего вам доброго.

Девушка направилась к двери, но Маска в один шаг перекрыл выход. Выхватив из-за пояса кинжал, он направил его острие в сторону Лайзы.

– Ты, кажется, не поняла до конца: это не предложение, которое ты можешь отклонить. Либо ты со всем возможным прилежанием работаешь на меня в течение следующего года, либо остаешься здесь до утра ждать полицию, – Маска опустил кинжал и добавил с улыбкой: – За твои заслуги, полагаю, тебя повесят уже к завтрашнему вечеру.

Как он и ожидал, Лайзе такая перспектива пришлась не по нраву. Коснувшись правой рукой шеи и с трудом сглотнув образовавшийся в горле комок, девушка покорно вернулась на указанное место.

– А что потом? После того, как я выполню свою работу, вы отпустите меня?

– Если ты не оступишься во время выполнения работы, я заплачу тебе обещанное, и ты будешь вольна идти на все четыре стороны.

Лайза украдкой взглянула на Маску. Вздохнула. По сути Маска предлагал ей из одной петли влезть в другую. Разве только не настолько тугую. Пока не настолько...

– Хорошо. Кого я должна ограбить?

– Не торопись, – Маска кинул девушке кошелек с деньгами, спрятал кинжал за пояс. – Там в кошельке ключ от наручников. Освободишься, когда я уйду. А сейчас слушай внимательно и запоминай. Однажды ты оступилась, второго раза быть не может.

– Я понимаю.

Маска кивнул, после чего заговорил вновь:

– Ты возьмешь эти деньги. С первыми лучами солнца покинешь город и поселишься в деревне часах в двух езды отсюда. Научишься терпению, молчанию, смирению. Научишься готовить сладости, научишься заваривать чай. Научишься делать прически не себе, не для себя стирать и гладить, не себя одевать. Шестого или седьмого августа вернешься в город, подойдешь к дому номер девять на улице Чайной розы. Постучишь и скажешь, что хочешь быть горничной у госпожи.

– Седьмого августа? Но ведь это будет через три месяца! Что если госпожа...

– Госпожа будет искать себе служанку, и ты должна сделать все, чтобы она нашла тебя.

Уверенность Маски поразила Лайзу. Как мог он так ясно представлять, что произойдет через три месяца в доме номер девять по улице Чайной розы?..

– Постойте-ка! Ведь этот дом принадлежит барону Грею, и он слишком хорош, чтобы его продавать.

– Он и не собирается его продавать.

– Откуда же там возьмется госпожа? Барон – убежденный холостяк и не имеет никаких родственников, которым мог бы позволить жить в своем доме.

Маска лишь усмехнулся, вызвав еще большую растерянность девушки.

– Та, к кому ты поступишь в услужение, станет твоим пропуском в высший свет. Поскольку тебя не должны узнать те, с кем ты, возможно, встречалась, советую тебе изменить немного внешность. Как? Придумай сама, – он замолчал на миг, потом добавил: – Если ты голодна, в корзине за ящиком есть хлеб и бутылка вина. На этом мы пока прощаемся.

– А имена? Вы же мне еще не назвали.

– Ты их узнаешь, когда придет время.

Лайза подумала, что Маска очень осторожен. Оно и понятно: в окружении его величества было слишком мало людей, которым он мог безгранично доверять. Так что ее наниматель просто не имел права рисковать.

Махнув на прощание, Маска скрылся во мраке, царившем на лестнице. Не прошло и пары секунд, как девушка в подвале услышала скрип затворяемой внешней двери.

– Кто бы мог подумать, – вздохнула она тогда, – Лайза – воровка, начинавшая свою карьеру в портовых трактирах – сотрудничает с самыми преданными людьми короля!

Девушка развязала оставленный ей кошелек. В нем действительно обнаружился ключ. Освободив руки, она подняла с пола корзинку с едой. Хлеб, бутылка вина и небольшой кусочек сыра – все было так, как и сказал Маска. Поднявшись с ящика, Лайза спрятала за корсетом несколько монет, остальные положила на дно корзинки. Подготовившись таким образом к путешествию, она потушила свечи и направилась к выходу.

Надо сказать, что Маска заинтриговал и напугал Лайзу настолько, чтобы она приняла его предложение. Но отнюдь не настолько, чтобы после его ухода девушка не взяла себя в руки и не пересмотрела свои дальнейшие действия. И потому Лайза не стала дожидаться утра, чтобы покинуть подвал, да и отправиться решила она не в деревню в двух часах езды от города.

Дойдя до двери, Лайза осторожно выглянула на улицу. Было темно, но в свете выглянувшей из-за облаков луны было несложно разглядеть пустынную улицу. Девушка вышла на мостовую и обернулась на скрипнувшую дверь.

– Простите, господин Маска, но здесь наши пути расходятся, – усмехнулась она.

Вдохнув полной грудью немного прохладный, свежий воздух, Лайза стала удаляться по улице от двери в подвал. Никем не замеченная и никем не остановленная, девушка совершенно расслабилась, достигнув широкого перекрестка...

Где и окончился бесславно ее побег. Сильная рука резко дернула Лайзу за плечо назад, холодная сталь клинка нападавшего коснулась ее горла.

– Прощу вас, отпустите меня, – взмолилась Лайза. – Я заплачу!

– Теми золотыми, которыми расплатился с тобой я?

Маска опустил кинжал и толкнул Лайзу так, что она упала на мостовую.

– Вы? – удивилась девушка, испуганно взирая на нависавшую над ней черную фигуру.

– Наивно было полагать, что ты не попытаешься сбежать, – спокойно проговорил Маска, объясняя свое присутствие здесь. После этого он наклонился к Лайзе и произнес куда менее дружелюбно: – Возвращайся обратно и больше не делай глупостей.

Лайза кивнула.

– Я дам тебе знать, когда и где мы встретимся в следующий раз.

Лайза вновь кивнула.

Удостоверившись, что девушка больше не попытается сбежать, Маска покинул улицу и направился в сторону своего дома. Уже светало, скоро должны были проснуться слуги. Молодой человек не мог допустить, чтобы они заметили его отсутствие. Да и господину следовало дать знать, что все прошло согласно плану.

Глава 2. Анна-Мария Флёр

Первого июня в загородном доме графини Елизаветы Дюваро неизменно имел место бал, который его хозяйка именовала «Днем открытия лета». Но примечательно в этом балу было отнюдь не то, что он проводился графиней в первый день лета и в самом деле мог именоваться его открытием. И даже то, что бал в доме ее сиятельства неизменно отличался от всех подобных ему количеством нулей в счетах, предъявляемых после графине, следовало отмечать в последнюю очередь. В первую же, «День открытия лета» от проводимых вне столицы балов отличало то, что посетить его считали своим долгом все дворяне, кроме, быть может, нескольких столичных стариков. И короля Эдуарда, не любившего праздные увеселения и посещавшего лишь один бал в своем государстве – ежегодно даваемый в королевском дворце по случаю своего Дня рождения.

Причин для подобного отношения со стороны света к балу графини Елизаветы было множество. Традиционно среди них назывались красота и богатство еще не слишком старой вдовы, осведомленность ее во многих делах, роскошный прием и щедрые угощения. Так же порой среди причин успеха бала называлось то обстоятельство, что бал этот был первым после почти месячного перерыва, за время которого дворяне со своими семьями переезжали в загородные дома.

Впрочем, вряд ли указанные причины и обстоятельства имели хоть какое-то отношение к человеку, которого за глаза нередко называли «провинциальным королем». Ибо барон Стефан Грей имел почти ту же прихоть, что и его величество Эдуард, и не посещал никаких балов, кроме одного единственного – в доме графини Дюваро.

В молодости, то есть почти пятьдесят лет назад, барон Грей был очень дружен с покойным графом Дюваро. Они служили под началом одного генерала, а по окончании недолгой военной карьеры поселились в соседних поместьях. Часто охотились вместе, почти ежедневно встречались, чтобы сыграть в шахматы. В силу ли этой дружбы или по иным причинам, но после трагической кончины его сиятельства (не удержавшись в седле, граф упал с лошади), барон Грей сохранил искренне теплые отношения с его супругой. И, вероятно, графиня Елизавета была единственным человеком, с которым его благородие вообще поддерживал хоть какие-то отношения.

Барон Грей слыл в округе человеком, обращаться к которому будь то с просьбой, советом или предложением, не стоило даже в самую последнюю очередь. Он никогда не принимал гостей, кроме графини Дюваро, он никогда не наносил визитов. Общался с окружающим миром его благородие через своего дворецкого и личного помощника Джона, и потому бал «Дня открытия лета» был не только шансом в случае большой удачи перемолвиться с бароном парой слов, но и шансом хотя бы просто увидеть его.

Впрочем, по мнению молоденьких девушек и большей части их старших коллег, смотреть на этого высокого, худого, словно мумифицированного, старика с орлиным носом и цепким ледяным взглядом не могло быть никакого желания у всякого уважающего себя человека.

Однако при наличии внешности, в общем-то, отталкивающей барон Грей умел при желании нравиться женщинам. Он неизменно безупречно одевался, держался обходительно и даже мог расщедриться на комплимент, если появлялась вдруг такая необходимость. Но никогда барон Грей не становился привлекательным настолько, чтобы какая-нибудь красотка влюбилась в него без памяти. Неизвестны оставались причины, подтолкнувшие его благородие к такому решению, но все дворяне страны знали, что барон намерен никогда не жениться.

– Стефан! Как мило с твоей стороны заглянуть на мой бал! – протягивая барону тонкие белые руки, казавшиеся еще бледнее из-за длинных рукавов ее черного платья, воскликнула

графиня Дюваро. Несмотря на то, что смерть ее мужа имела место шесть лет назад, женщина все еще считала своим долгом носить по нему траур.

– Вы знаете, моя милая, я не мог отклонить ваше приглашение, – любезно поклонился барон Грей.

Взяв его под руку, графиня ввела своего друга в бальную залу, где уже кружились в танце некоторые из пришедших ранее гостей. Внимание не пришлось его благородию по душе, но он сумел сохранить непроницаемое выражение лица. Более или менее значимых людей в зале барон приветствовал с улыбкой, чуть тронувшей уголки его рта. Остальных одарил тем самым неприятным ледяным взглядом, что мгновенно дал понять: вести бесед «из вежливости» барон Грей не намерен. Исполнив необходимый ритуал, старик ушел в самый дальний угол, пообещав хозяйке дома один из танцев.

– Не знаю, что может быть скучнее всего этого, – прошептал его благородие, присаживаясь в золоченое кресло у прохладной стены, отделанной розовым мрамором.

Если кто и слышал жалобу барона, то не посмел ответить на нее.

Тем временем, почти все ожидаемые гости прибыли и бал начался.

В течение часа все шло своим чередом, что, разумеется, не могло не огорчать графиню Дюваро. Она всегда старалась добавить легкую изюминку в угощение, приготовленное гостям, и этот раз не был исключением. Графиня устроила все, что от нее зависело, но угощение уже было подано, а изюминка все никак не желала появляться. Настроение дамы ухудшалось с каждой минутой, и вскоре начало казаться, что его уже ничто не спасет.

– Моя милая, вас будто что-то тревожит, – заметил барон Грей, когда женщина подошла к нему.

Графиня устремила на его благородие растерянный взгляд и вздохнула:

– Ах, Стефан, я так замечательно подготовилась в этом году, но все мои старания, как я погляжу, напрасны. Я узнала, что одна юная особа решила появиться в свете этим летом, и приложила максимум усилий, чтобы заполучить ее на свой бал. О! Несомненно, она бы стала его украшением...

Барон не нашелся что ответить, и потому просто пожал протянутую ему словно в поисках поддержки руку.

– Быть может, ваши сомнения...

– О, Стефан! Ну, какие же «сомнения»? Я имею твердую уверенность в том, что она... – графиня замолчала, изумленно глядя на вход в бальную залу. Там стояла и смущенно озиравшись по сторонам очаровательная девушка в платье цвета морской волны с темно-каштановыми волосами, обрамлявшими свежее, правильной формы лицо. Пройти дальше она не решалась, ожидая, пока к ней подойдет хозяйка бала.

Девушка была незнакома собравшимся, ведь это был ее первый бал. Однако догадаться, кто перед ними, большинству не составило труда. Ослепительно прекрасная, в меру богатая, по слухам королевских кровей, Анна-Мария Флер не могла остаться неузнанной.

– Полагаю, это и есть ваша «изюминка», – прошептал барон Грей. Голос его прозвучал так ровно, что графиня Елизавета едва не лишилась чувств: неужели появление этой гостьи не произвело фурора?

Ее сиятельство украдкой ущипнула себя за щеки, возвращая пропавший румянец, и поспешила улыбнуться. Ее волнение было безосновательно – графиня не могла ошибиться. Она слишком хорошо знала нравы и вкусы света.

Анна-Мария, тем временем, удостоила несомненной чести некоторых гостей, представившись сама. И, разумеется, никто не стал винить ее за это незначительное нарушение этикета. Восхищенные ее красотой и скромностью, за которую ошибочно приняли смущение девушки, дворяне также вспомнили, что милое существо было сиротой, а значит, следовало помочь ей, а не упрекать в том, что родители не смогли дать девушке должного образования.

Была у снисходительного отношения к Анне-Марии и еще одна причина, озвучить которую никто бы не решился, но очень многие держали в уме. Анна-Мария Флер уже вступила в тот возраст, когда следовало задуматься о замужестве. Однако подходящей партии пока еще не имела.

Все это, а так же то, что проживала девушка в имении «Небесный цветок» (за что и получила свою фамилию), подаренном ее матери покойным королем Франциском, графиня Дюваро изложила своему невольному собеседнику, в довершении длинного монолога добавив:

– Честное слово, Стефан, если бы меня спросили, кого тебе стоит взять в жены, я бы, не задумываясь, ответила: Анну-Марию Флер. Она чиста и невинна, к тому же она сестра его величества Эдуарда.

– Это только слухи, моя милая.

– Многие склонны считать их правдой. Ведь это самое убедительное объяснение благосклонности монарха к этой юной особе, а также благосклонности покойного короля к ее матери.

– Это верно, – отозвался барон Грей.

Графиня перевела внимательный взгляд с девушки на его благородие и украдкой улыбнулась.

– Я вижу, она тебе симпатична, – прошептала женщина.

– Она совсем ребенок, – проворчал в ответ барон.

– Пожалуй, – после едва заметной паузы, согласилась графиня, – ты уже, действительно, староват для нее. Да и для брака в целом. Но об этом стоит думать только в том случае, если ты намерен создать семью, чтобы обзавестись наследником. А поскольку тебя это никогда не интересовало, стоит обратить внимание на то, что Анна-Мария станет твоим украшением, объектом зависти к тебе.

– Вы как будто пытаетесь сосватать мне эту девочку, моя милая.

– А почему бы и нет!

– В самом деле, а почему бы и нет? – протянул в ответ барон Грей.

И спустя две недели состоялась скромная церемония бракосочетания его благородия и Анны-Марии Флер. По окончании церемонии барон уделил немного внимания приглашенным гостям, поцеловал жену и направился прочь от алтаря.

– Вы уходите? – удивилась юная баронесса.

– Разумеется, – бросил ей через плечо супруг.

– Но почему?

– Потому что все уже закончилось.

Анна-Мария горько зарыдала, но равным счетом ничего этим не добилась. Барон Грей скрылся за дверью маленькой часовни, гости последовали за ним, и только дворецкий Джон – человек лет сорока пяти, с коротко стриженными волосами, с безразличным выражением лица, закутанный в темно-синее одеяние, делавшее его еще менее заметным среди окружающих предметов – все еще стоял подле девушки.

– Что? Что вам от меня нужно?! – обрушила на него все свое негодование юная баронесса.

– Я должен проводить вас в вашу комнату, госпожа, – спокойно ответил Джон.

До наступления ночи Анна-Мария придавалась собственному горю. Потом задремала, в чем была. Потом наступило утро. А поскольку девушка принадлежала к тому типу людей, для которых утро обязательно мудренее вечера, открыв глаза, она улыбнулась.

Мысль о том, что проснулась она баронессой Грей в скромной спальне в доме своего мужа, вызвала у девушки приятный душевный трепет. И когда в комнату вошла горничная со словами:

– Доброе утро. Госпожа, позвольте помочь вам одеться к завтраку? – Анна-Мария прослезилась, но на сей раз от счастья.

Никогда прежде никто не обращался к ней с такой преданностью и покорностью и в столь ранний час. В своем имении Анна-Мария держала лишь двух слуг: повариху и садовника, которые выполняли всю имевшуюся работу за весьма скромное жалование и искреннюю благодарность госпожи. Одевалась по утрам и причесывалась девушка сама.

Впрочем, душевный трепет очень скоро оставил Анну-Марию. Случилось это в тот миг, когда Джон сообщил баронессе, что его хозяин уже позавтракал и удалился в кабинет, где просил его не беспокоить.

– А долго барон обычно работает? – осведомилась девушка.

– До позднего вечера, госпожа.

– Но ведь обедать он выйдет?

– Нет, госпожа. Барон предпочитает не прерываться.

– Значит, сегодня я его не увижу?

– Вероятно, и в ближайшие несколько дней так же, госпожа, – счел своим долгом предупредить юную баронессу Джон.

– Что же мне делать?

– Осмотреть дом и найти тихое занятие по душе. Позвольте заметить, барон не любит шума.

Анна-Мария нахмурилась и предпочла прекратить расспросы. От всего услышанного ей стало грустно.

В последующие два дня девушка, согласно совету дворецкого, осмотрела дом и прилегающие к нему владения своего супруга. Джон почти всюду сопровождал ее, пристально наблюдая, словно полицейский за подозреваемым. Анна-Мария, сама еще того не осознавая, потихоньку начинала его ненавидеть.

Своего супруга девушка в эти дни не видела ни разу. Он укрывался от нее в рабочем кабинете, куда баронессе строго-настрого было запрещено входить. Впрочем, к концу второго дня Анна-Мария все-таки сумела войти в запретную комнату.

Отделавшись от Джона, девушка без стука ворвалась в небольшое помещение и за массивным столом увидела, наконец, своего мужа, по которому даже немного соскучилась. С пером в правой руке, книгой – в левой и огромной кляксой на листе перед ним, его благородие сидел спиной к окну и озадаченно смотрел на стройную девичью фигуру, выделяющуюся на фоне темного дверного проема.

– Добрый вечер. А чем вы занимаетесь? – не замечая направленного в ее сторону мрачного взгляда, поинтересовалась Анна-Мария.

– Работаю, – напряженно отозвался барон.

Отложив перо и книгу, он вынул из кармана часы и отметил для себя текущее время.

– И в чем же заключается ваша работа?

Девушка подошла ближе к столу и стала перебирать имевшиеся на нем предметы. Все они были созданы явно до ее рождения. Особенно заинтересовала юную баронессу шкатулка, на которой значился год ее создания.

– Она же на целый век меня старше! – воскликнула Анна-Мария.

– Да, – со вздохом подтвердил барон, начиная понимать, что хмурого взгляда недостаточно для того, чтобы вынудить незваную гостью уйти. Следовательно, надо было ее прогнать. Однако заниматься работой своего дворецкого его благородие не собирался, и потому вынужден был продолжить разговор: – Да, в этом году этой шкатулке исполняется сто семнадцать лет.

Анна-Мария не оставила свои исследования и продолжила знакомиться с вещами барона.

– Почему вы избегаете меня? – вдруг спросила она, протягивая тонкую ладошку к книге, из которой что-то переписывал барон.

– Отчего вы так думаете?

– Вы не завтракаете со мной, не обедаете, не позволяете мне увидеть вас, – медленно произносила девушка, как будто с интересом перелистывая страницы исторической хроники. – Вы меня не любите?

– Если бы я вас не любил, стал бы я просить вашей руки? – ответил барон. Он полагал, что его юной супруге будет довольно такого объяснения, и не ошибся. Анна-Мария улыбнулась, наклонилась вперед, окутав барона дивным ароматом своих духов, и звонко чмокнула его морщинистую щеку.

– Значит, сегодня вы поужинаете со мной?

– Если это доставит вам удовольствие.

Барона, смотревшего на наивное личико своей супруги, что-то заинтересовало позади нее, и, проследив за его взглядом, Анна-Мария увидела в дверях дворецкого.

– Вы очень кстати! – воскликнула она. – Я едва не забыла. Барон, пожалуйста, сделайте так, чтобы Джон не преследовал меня всюду. А то мне кажется, что он меня в чем-то подозревает.

– Вот как?

– Да.

– Джон, это недопустимо. Анна-Мария – хозяйка в этом доме и вольна делать все, что ей захочется.

– Как вам будет угодно, господин.

Еще раз подтвердив, что отужинает с ней, барон Грей велел девушке покинуть его кабинет. Дождавшись, когда Джон закроет дверь и повернется к нему, старик вновь достал из кармана часы. Нахмурился.

– Двадцать семь минут, Джон, – холодно обронил барон. – Ты посмел оставить это существо без присмотра, и она отрывала меня от работы почти двадцать семь минут. Это недопустимо!

– Примите мои извинения, господин.

– Я готов простить это. В конце концов, она моя жена и я должен уделять ей время. Но что мне делать с ее недовольством твоим поведением? Джон, разве я не говорил, чтобы ты присматривал за ней, а не следил!

– Извините, господин.

– Две ошибки за два дня – это слишком много, Джон. Ты понимаешь?

– Да, господин.

– Впредь этого не должно повториться. Присматривай за баронессой, но не запрещай ей ничего делать. Пусть здесь немного похозяйничает, если хочет. Главное, чтобы она не отвлекала меня от работы.

Барон отдал приказ, как ему казалось, вполне конкретный, разумный и исполнимый. Однако, как показали следующие несколько дней, в отношении Анны-Марии недопустимо было применять общепринятые меры оценки. Она могла делать то, что хочет, но не могла мешать при этом кому-либо. Она могла никому не мешать, но очень скоро начинала страдать от скуки и одиночества.

* * *

На другой день после разговора с мужем, юная хозяйка занялась переустройством сада. В первые несколько часов барон Грей пытался закрывать глаза на то, что звонкий голосок супруги и бурчание садовника под окном его кабинета попеременно сменяют друг друга. Потом его благородие вызвал дворецкого.

– Займите ее чем-нибудь другим! – приказал он.

Джон ушел, и вскоре голоса стихли. На пару минут, которые потребовались Анне-Марии, чтобы подняться в кабинет супруга. К счастью, скандала не последовало, но выглядела юная баронесса обиженной.

Его благородие с трудом сумел объяснить девушке, почему и как она отвлекает его. Посоветовал заглянуть в библиотеку. Анна-Мария вздохнула, чуть поджала уголки губ, но все же покинула кабинет. Заглянувший после ее ухода Джон получил строгий выговор. После чего, наконец, наступила долгожданная спокойная тишина.

Следующие три дня прошли непримечательно. Его благородие провел их в привычном ритме, большую часть времени просиживая в кабинете. Анна-Мария коротала часы в библиотеке, что не могло не радовать ее супруга.

На четвертый день ближе к полудню барон решил лично нанести визит в кладовую знаний, а не отправить Джона разведать положение дел. Тело старика устало от статичного положения и требовало разминки. Да и порадовать своим появлением Анну-Марию не было лишним. Запертая дверь несколько озадачила хозяина дома. От проходившей мимо горничной, его благородие узнал, что это дело рук юной госпожи.

– Что она там делает?

– Никто не знает, ваше благородие. Она запретила туда входить.

Конечно, следовало постучать, но барон отбросил эту формальность и открыл дверь имевшимся у него запасным ключом. После чего замер на пороге, наблюдая, как Анна-Мария передвигает стул, чтобы водрузить импровизированный шпиль на крышу башни, сложенной из бесценных томов библиотеки рода Грей.

Девушка пожаловавшего гостя пока не замечала, слишком увлеченная своим занятием. Шпиль, очевидно, был последним элементом выстроенного ею замка, потому что, приладив его на крышу, сделанную из старинного атласа, юная баронесса слезла со стула на пол и отошла немного назад, чтобы оглядеть свое творение. На губах девушки играла довольная улыбка.

– Что это? – просипел барон. Худые, бледные, но с годами не утратившие силу его пальцы впились в дубовую притолоку, удерживая его благородие в вертикальном положении.

Анна-Мария обернулась на голос и, как ни в чем не бывало, ответила на вопрос:

– Это замок благородного рыцаря. Вам нравится?

Ответить барон не смог. Вместо этого он чуть повернул голову в сторону коридора и прокричал, что было сил:

– ДЖОН!!!

Новым приказом для дворецкого стало задание: найти для Анны-Марии подругу или друга среди окрестных дворян, дабы молодая супруга наносила визиты, а не ущерб поместью барона Грея. На всякий случай его благородие уточнил, что Анна-Мария должна по доброй воле уезжать каждый день к этому человеку.

Задача была поставлена непростая, но уже через неделю Джон доложил своему господину, что все сделано.

– И кто этот несчастный?

– Барон Рамо. К нему приехала погостить младшая дочь Шарлотта, предпочитающая отчужденному дому скромную квартиру тетушки в городе. Его благородие полагает, что дочь задержится в наших краях несколько дольше, если у нее будет возможность проводить время в хорошей компании.

Барон Грей согласился, и тем самым выгадал себе еще почти месяц спокойного существования.

Каждое утро, подарив прощальный поцелуй провожавшему ее супругу, Анна-Мария забиралась в карету и отправлялась в двух часовое путешествие. Оно не было утомительным, поскольку девушка предвкушала встречу с тем, с кем ей было не только не скучно, но даже интересно проводить время.

Младшая дочь барона Рамо была старше Анны-Марии почти на десять лет, но относилась к ней как к равной, что льстило баронессе Грей, за прошедшее со дня свадьбы время успевшей привыкнуть к снисходительному отношению. Кроме того, Шарлотта получила хорошее обра-

зование, успела неплохо узнать жизнь в городе, и охотно делилась со своей знакомой этими знаниями, всякий раз поражаясь тому, как ярко реагирует Анна-Мария на самые, казалось бы, обыкновенные вещи.

Однако в последний день июля младшая дочь барона Рамо намеревалась сообщить баронессе Грей новость, на которую, по его мнению, девушка должна была отреагировать иначе, чем обычно. Собравшись с мыслями, девушка взглянула в широко распахнутые глаза своей слушательницы и сказала, что первого августа, то есть завтра, к ней приезжает возлюбленный.

– И что же? Я буду рада с ним познакомиться! – заявила Анна-Мария.

– Это-то как раз и невозможно. Мой избранник богат и весьма легкомысленно настроен. Он падок на красивые лица. Мне потребовалось много времени, чтобы обратить на себя его внимание. И мне бы не хотелось, чтобы он передумал просить моей руки после встречи с тобой...

– Но что же может изменить наша встреча?! – воскликнула девушка. – Я непременно приеду завтра и познакомлюсь с твоим возлюбленным, Шарлотта!

И не дожидаясь ответа, Анна-Мария оставила подругу на скамейке в парке. «Завтра она сделает напрасными все мои надежды», – совершенно точно поняла младшая дочь барона Рамо.

Со своей проблемой она пошла к отцу и получила от него ответ, общая суть которого сводилась к следующему:

– Я помогал барону Грею. Теперь пусть он поможет мне. Пусть делает со своей женой что хочет, но только завтра ее здесь быть не должно.

Все свои мысли барон Рамо изложил в письменном виде и отправил с курьером его благородию. Барона Грея опечалила эта новость. Запершись в кабинете, не пуская к себе даже Джона, он размышлял о своих возможных дальнейших действиях. Разговор с баронессой и попытка убедить ее прекратить полюбившиеся визиты совершенно точно были бесполезны. Запирать Анну-Марию дома было нежелательно, ибо это, несомненно, лишило бы покоя самого хозяина. Куда же можно было отправить ее благородие так, чтобы не вызвать тем самым пересудов, не обидеть девушку и не обременить себя?

Уже во втором часу ночи барон Грей вызвал к себе дворецкого и велел будить горничных госпожи.

– Завтра она отправляется в столицу.

– Как вам будет угодно, господин.

– Это еще не все, Джон. Ты поедешь с ней. Будешь присматривать, чтобы она не натворила глупостей, будешь контролировать ее траты, но не будешь ей докучать своим вниманием. В общем, будешь вести себя в отношении баронессы так, как вел бы я, будучи рядом с ней. Ты понимаешь, о чем я?

– Да, господин.

– Еженедельные отчеты о ее времяпрепровождении добавятся с завтрашнего дня к твоим обязанностям.

– Да, господин.

На другое утро новость сообщили Анне-Марии. Девушка, к удивлению барона, восприняла ее с огромным воодушевлением, прежде всего по причине того, что в столице бывать ей еще не доводилось. После завтрака она решительно вмешалась в процесс сбора вещей. Особенно волновало девушку то, как будет уложена деревянная шкатулка ручной работы, служившаяместилищем ее «дворянской чести» – дорого изумрудного кольца.

Покончив со сборами, баронесса Грей отправилась лично проконтролировать погрузку чемоданов в экипаж. Тут, правда, между бровей у нее пролегла глубокая складка, потому что ей стало понятно, что Джон поедет с ней.

– Не хочу, чтобы он следил за мной и в столице, – раскапризничалась Анна-Мария. – На меня будут косо смотреть!

Барон Грей, вышедший проводить супругу в долгий путь, обнял ее за плечи и произнес:

– Он не будет вам докучать, моя дорогая.

– Будет. Он не может иначе. Уж лучше бы вы позволили мне взять с собой горничную. Ее присутствие рядом, по крайней мере, было бы оправдано. Говорят, что в столице теперь модно горничных везде с собой брать.

Такой вариант категорически не устраивал барона. Ведь помимо обязанностей горничной его жены, служанка выполняла множество другой работы по дому. И в случае ее отъезда пришлось бы искать замену проверенному годами человеку, к которому хозяин дома привык. Поэтому его благородие предложил:

– А не хотите ли вы, моя дорогая, по приезде в столицу сама нанять себе горничную?

При этих словах барон многозначительно посмотрел на своего дворецкого. Джон едва заметно кивнул.

Анна-Мария пришла в восторг от предложения и, конечно же, приняла его. Привычно поцеловав на прощание супруга, девушка подобрала подол платья и с помощью ненавистного, но приятно услужливого дворецкого забралась в карету.

– Мне будет не хватать вас, – обратилась она к барону. – Обещайте, что скоро приедете.

– Обещаю, – ласково улыбнулся старик, а сам без стеснения подумал: «Не дай Бог, дела в ближайшее время приведут меня в столицу...»

Джон занял место на козлах рядом с кучером, и экипаж тронулся с места. Наблюдая, как он удаляется, вопреки прежним мыслям, барон Грей неожиданно осознал, что наряду с удовлетворением чувствует и грусть.

Когда экипаж совсем скрылся из вида и улеглась поднятая им пыль, его благородие начал подниматься по лестнице парадного крыльца. Однако, не дойдя доверху пары ступеней, он остановился. Обернулся и с минуту смотрел на нежно-лиловые цветы на ближайшей клумбе. По воле Анны-Марии, они пришли на смену колючим алым розам. Вздохнул: трудно было не согласиться с тем, что недолгое пребывание девушки в этом доме изменило имение в лучшую сторону.

– Пожалуй, – прошептал барон, – мне тоже будет тебя не хватать, Анна-Мария.

Глава 3. О том, как Джон выбирал себе помощницу

Приезд в столицу и поселение в городском доме барона Грея состоялись поздним вечером третьего августа. Событие это происходило мирно, но, по мнению дворецкого, непозволительно шумно. Пока снимали с экипажа вещи, юная баронесса не замолкала ни на миг, старательно мешая слугам своими советами. В конце концов, Джон не выдержал натиска и, нелюбезно схватив девушку под руку, увел ее в дом. Анна-Мария, как и следовало ожидать, не пришла в восторг от подобного обращения:

– Что вы себе позволяете?! – освободившись от железной хватки дворецкого, закричала юная баронесса.

– Дождь начинается, госпожа, – с поклоном ответил Джон. – Я испугался, что вы можете вымокнуть и простудиться.

К счастью дворецкого, замеченные им ранее и удачно использованные в объяснении крупные капли в этот миг, действительно, забарабанили по стеклу. Анна-Мария растерянно посмотрела на темный оконный проем, за которым изредка мелькали факелы слуг, спешно снимавших последний чемодан.

– Извините, – прошептала она.

Дворецкий с поклоном удалился, предоставив девушку самой себе.

Просить о помощи Джона Анна-Мария не собиралась, других слуг поблизости не оказалось, так что девушка сама взяла свой несессер, огляделась по сторонам и направилась в сторону лестницы. На одной из остановок во время пути Джон объяснил девушке общее устройство дома, и теперь, как ей казалось, баронесса могла легко найти свою комнату.

На втором этаже было темно, но достаточно сухо и свежо: слуги хорошо подготовили давно пустовавший дом к приезду хозяйки. Дойдя до конца коридора, Анна-Мария повернула направо и осторожно толкнула первую дверь. Она легко бесшумно отворилась, открыв взору девушки приготовленную спальню.

Комната была скудно освещена единственной свечой, стоявшей на столешнице трюмо. Большую часть пространства не позволяла разглядеть ширма. Но и того, что окинула взглядом баронесса, хватило, чтобы вызвать восторженный возглас. Искусная лепнина на потолке, дорогой ковер ручной работы на полу и шелковые полотна на стенах – предки барона Грея, в отличие от него, были щедрыми людьми. Анна-Мария поставила несессер на пол и сделала шаг в сторону, обходя ширму.

– Какая красота! – повторила она.

Огромная кровать под массивным, несколько тяжеловатым на первый взгляд балдахинном, кушетка возле окна, пуфик перед ней и аккуратный столик. Окно, насколько понимала Анна-Мария, выходило во двор, а значит, в комнату не проникал неприятный шум городской улицы.

Околдованная увиденным девушка так и простояла посреди комнаты до самого прихода Джона.

– Вы уже посмотрели ваши покои? – осведомился он.

– Покои? – переспросила Анна-Мария, словно пробуя на вкус новое непривычное, но такое приятное слово.

– Разумеется, – дворецкий подошел к одной из стен и, нажав потайную кнопку, открыл дверь в соседнюю комнатку. – Это комната для вашей горничной, госпожа. Дверь закрывается и с этой стороны, и с той.

Девушка осторожно заглянула в темное помещение. Ей показалось, что у дальней стены она разглядела тень кровати и, кажется, стул возле нее.

– Как мило, – с легкой улыбкой, возвращаясь к привычному для нее игривому настроению, произнесла юная баронесса. За спиной дворецкого она заметила чемодан, принесенный им, и радостно воскликнула: – О! Я вижу, вы принесли мои вещи.

– Да, госпожа. Если хотите, я помогу вам их разобрать.

– Вот уж нет, – обиженно нахмурилась Анна-Мария. – Завтра вы найдете мне горничную, она ими и займется.

– Но как же вы ляжете спать сегодня?

– Как-нибудь.

Джон поклонился и, посчитав разговор оконченным, направился к выходу. Анна-Мария не остановила его, и дворецкий смело ступил за порог комнаты.

– А! – вдруг закричала юная баронесса.

Джон вздрогнул от неожиданности. Он предпочел бы продолжить свой путь и не выяснять, какую мышь увидела его госпожа. Однако правила требовали иного.

– Что случилось? – с напускным беспокойством поинтересовался дворецкий.

Анна-Мария стояла возле трюмо, держа в одной руке деревянную шкатулку, в другой порванный жгут.

– Ключ. Я потеряла ключ, – дрожащим голосом проговорила юная баронесса.

Дворецкий нахмурился. Он чувствовал, что без колебаний обменял бы половину годового жалования на возможность нанять горничную для юной баронессы немедленно. Ведь тогда бы на все крики девушки, на все ее капризы и дурацкие просьбы вынужден был откликаться кто-то другой уже сейчас.

– Где вы могли его обронить? – с тяжелым вздохом, которому, впрочем, Анна-Мария не придавала значения, поинтересовался Джон.

Поиски ключа продолжались в течение получаса, пока баронесса Грей не вспомнила, что опасаясь его потерять, разорвала жгут и убрала ключ в свою сумочку. Джон покинул девушку сразу же, как только услышал эти слова. Не спрашивая позволения у хозяйки и не дожидаясь, пока она заметит охватившую его злость.

Слуги уже разобрали вещи и сделали все, что поручил им дворецкий. В доме было тихо, усталость брала свое. Хотелось спать. Но позволить себе отправиться отдыхать Джон пока не мог. Зайдя в кабинет барона, дворецкий взял лист бумаги, чернила и, сев за стол, написал короткое объявление о том, что Анна-Мария баронесса Грей ищет себе горничную-компаньонку. Понимая всю тщетность этого, Джон все же надеялся, что кто-нибудь откликнется на объявление еще до восхода солнца.

Чуда не случилось. И когда солнце взошло, дворецкий все также в одиночестве сидел за кухонным столом, напряженно вслушиваясь в тишину. Взгляд его был устремлен на дверь, ведущую во двор.

Лишь заслышав звон колокольчика, Джон покинул свой пост: юная баронесса требовала к себе. Спешно собрав на поднос чашку, чайник и несколько бисквитов для девушки (она привыкла перекусывать после сна), дворецкий направился на второй этаж. Посередине лестницы слуга остановился. Нахмурился, прислушиваясь к тихому стуку.

– В парадную дверь?.. Вряд ли служанка. Но кто же тогда?

Ничуть не тревожась о том, что его ждет баронесса, Джон спустился к двери и приоткрыл ее. Его взору предстало занятное существо, не слишком ухоженное, лохматое, в платье чересчур откровенном. Однако существо это протягивало дворецкому его объявление, и потому он готов был ее выслушать:

– Чем могу помочь?

– Хочу работать горничной, – заявила девица.

Джон вновь окинул пришедшую пристальным взглядом. К сожалению для девицы, даже после желанного ответа, мнение дворецкого о ней не изменилось.

– Где вы работали прежде? – предельно вежливо поинтересовался Джон.

Девушка громко шмыгнула носом и назвала заведение, работа в котором не делала ей чести. Как бы Джон не относился к баронессе Грей и как бы ни мечтал передать ее под опеку другого человека, он все же не мог допустить, чтобы *это* каждый день находилось возле Анны-Марии.

Едва ли не пинком девушка была изгнана с крыльца, и Джон вернулся к подносу.

– Доброе утро, – радостно приветствовала слугу юная баронесса. – Я чудесно выспалась!

– Я рад, госпожа, – ответил Джон, поправляя одеяло на кровати и устанавливая на нее столик, чтобы девушка могла позавтракать. Анна-Мария, не дожидаясь окончания приготовлений, схватила с подноса самое большое пирожное и продолжила:

– Джон, я бы хотела с вами поговорить о моей новой горничной.

– Не беспокойтесь, госпожа, я уже дал объявление.

Девушка вскинула голову и удивленно уставилась на него. Пирожное так и не было донесено до ее рта.

– Как же так? Ведь вы не знаете, какую горничную я хочу.

– Прошу простить мне излишнюю самоуверенность, госпожа, но я прекрасно знаю, какая горничная требуется замужней даме. Можете не беспокоиться, я подберу вам девушку, знающую свое дело, с хорошими рекомендациями.

– При чем здесь это? Мне нет дела до рекомендаций. Все это пустяки! Слушайте, Джон, мне нужна горничная чуть ниже меня ростом, с темными (темнее, чем у меня) длинными волосами, не слишком приятным лицом и... – взгляд Анны-Марии упал на бисквит в руке, улыбка коснулась нежных губ: – Я хочу, чтобы она сама пекла мне пирожные!

– Это очень важные критерии, госпожа, – пробубнил дворецкий, недовольно поджав уголки губ.

Когда барон Грей сказал, что нашел себе в жены сокровище, он забыл поставить своего слугу в известность, что нянчиться с этим сокровищем придется Джону. И теперь дворецкий, при всем своем уважении и преданности к хозяину, не мог без нехорошей мысли думать об этом.

– ...поэтому, чтобы вы там ни написали, перепишите... Джон! Вы меня не слушаете?

– Слушаю, ваше благородие. Я все понял. Я немедленно исправлю свою ошибку, – заверил дворецкий.

Поклонившись, он оставил баронессу наедине с завтраком.

Несмотря на свои обещания, никакой ошибки Джон исправлять не собирался. А собиравшись он действовать согласно плану, тщательно продуманному ночью. Дворецкий хотел устроить так, чтобы Анна-Мария прожила несколько дней без горничной, после чего стала бы умолять Джона найти ей кого-нибудь на *его* усмотрение. Добиться этого было не так уж и сложно: по мере сил исполнять просьбы юной баронессы и отказывать до поры до времени всем кандидаткам.

Следующая девушка пришла минут через десять. Она идеально подходила под требования баронессы, да и Джон не мог ее ни в чем упрекнуть: держалась уверенно, но скромно, выглядела опрятно. Некоторое время назад девушка работала у одной придворной дамы, имела от этой дамы рекомендательное письмо.

– Все прекрасно, Стелла, – начал было Джон, планируя закончить: «...но вы не та, кто нам нужен...», когда на верхней площадке лестницы вдруг раздался голос баронессы Грей:

– Как это мило, Джон. Вы уже нашли ту, кого я искала!

Дворецкий медленно повернулся к госпоже и почти сквозь зубы процедил:

– Да, ваше благородие.

Не медля ни секунды, Анна-Мария заявила, что Стелла принята и велела ей следовать за собой. Джону осталось только кусать локти. Открыто возразить баронессе без объективной причины он не посмел.

Дворецкий испугался, что горничная непозволительно долго задержится в доме и нарушит его планы. Но к счастью, на глаза Джону очень скоро попался серебряный сервиз. Недолго думая, слуга взял бокал и подложил его в комнату к Стелле, пока девушка вместе с Анной-Марией осматривали дом. После этого Джон вернулся на кухню. Спешить было рискованно, поэтому дворецкий не планировал находить улику раньше вечера, а то и утра. Он уже потирал руки, предвкушая, как Стелла будет с мнимым позором изгнана из дома барона Грея, когда обнаружил, что Анна-Мария вновь спутала ему все карты.

– Что это, Стелла? – услышал Джон голос баронессы, проходя в пятом часу по коридору мимо комнаты горничной.

– Серебро, госпожа. Должно быть, один из предметов фамильного сервиза рода Грей.

– А что он здесь делает?

– Не знаю, госпожа.

Дело принимало опасный оборот. Доверчивая Анна-Мария могла поверить девушке и не прогнать «воровку». Дворецкий распахнул дверь.

– Ну, надо же, – с порога заявил он. – А я с утра не могу найти этот бокал.

Юная баронесса, разумеется, не поверила в вину Стеллы, обиделась на дворецкого, потребовала оставить их со Стеллой в покое. Джон сделал вид, что не услышал, взял горничную под руку и потащил ее к выходу. Девушка кричала о своей невинности, требовала доказательств, извинений, но, в конце концов, довольствовалась тем, что ей обещали не портить репутацию.

На следующий день лже-поиски горничной продолжились. Джон просмотрел нескольких кандидатов. Отверг их всех. Анна-Мария не могла ему больше помешать сделать это: девушка все еще дулась на дворецкого.

Шестое августа оказалось днем безрезультатным. Вероятно, по городу уже прошел слух, что не стоит пытаться наниматься на работу в дом барона Грея. Джон был этому даже рад. Недолгое ожидание с его стороны, сомнение со стороны возможных горничных – это должно было вскоре привести к нему девушку скромную, смелую, готовую на многое. И эту девушку Джон рассчитывал принять независимо от мнения Анны-Марии. Юная баронесса еще не дала ему права действовать на свое усмотрение, но уже заметно устала от общества молчаливого дворецкого.

Предчувствие Джона оправдалось. Седьмого августа около десяти часов утра – не слишком рано и не слишком поздно, что говорила в пользу девушки – раздался стук в парадную дверь. Поскольку дворецкий уже убедился, что задний вход не в чести у городского населения, он не стал упрекать пришедшую в невольном промахе.

– Доброе утро, – приветствовал Джон девушку.

Она не стояла у самой двери, как многие ее предшественницы, будто старавшиеся прорваться в неприступную крепость. Платье девушки было сшито просто. В ровных складках отглаженной юбки утопали ухоженные, но явно привыкшие к труду руки. Светлые, немного пепельного цвета волосы были собраны в плотную косу, спадавшую на плечо. Поверх волос была надета обычная для горничных повязка, которая смотрелась неожиданно мило и даже элегантно. Взгляд девушки был направлен вниз – именно так по мнению Джона, и полагалось сделать служанке, ищущей новую работу в богатом доме. В общем, пришедшая произвела на дворецкого самое приятное впечатление.

– Вы, вероятно, по объявлению? – поинтересовался он.

– Да, сэр, – ответила девушка. Говорила она негромко, но четко.

– Как Вас зовут?

- Лайза, сэ.
- Работали прежде горничной?
- Нет, сэ.

Джон отметил про себя, что девушка в точности отвечает на его вопросы – качество редкое по нынешним временам.

- Прошу вас.

Распахнув шире дверь, дворецкий пропустил Лайзу в дом. Девушка вошла и тут же остановилась, не поднимая головы и не стараясь рассмотреть обстановку.

- Комната госпожи на втором этаже. По коридору первая дверь направо.

Дворецкий сделал вид, что закрывает дверь, ожидая реакции Лайзы на его предложение. Лайза чуть заметно покраснела и ответила:

- Извините, сэ, но будет неудобно, если я пойду к госпоже без вас.

– Знаете, как себя вести – это очень хорошо, – едва заметно улыбнулся Джон. – Родители хорошо вас воспитали.

Лайза мотнула головой. Родителей своих она не знала, будучи подброшенной на ступени приюта почти сразу после рождения. Манерам и грамоте, равно как и прочим вещам, могущим пригодиться в жизни, девочку там никто не учил. Кормили, одевали – и на том спасибо. Лет в пять Лайза сбежала из приюта, предпочтя ему улицы.

Дворецкому, разумеется, знать правду не следовало. Так что девушка убедительно соврала:

– Родителям некогда было меня воспитывать, сэ. Они были простыми крестьянами: детей много, времени мало. Когда стало совсем тяжело, они отдали меня в монастырь. Там я прожила три года. Там же научилась поведению и грамоте.

Джон одобрительно кивнул. Попросив следовать за ним, направился к лестнице, по пути объясняя сложившуюся ситуацию и пытаясь понять, согласится ли Лайза следовать за баронессой или придется и ее выставить вон. Думать о последнем дворецкому совсем не хотелось: слишком хороша была Лайза, с какой стороны не посмотри.

– Видите ли, работа, которую вы хотите получить, отнюдь не так проста, как кажется. Госпожа несколько... чудаковатый человек. Впрочем, это, может быть, только мое мнение. Возможно вам, ее ровеснице, она покажется очень приятной хозяйкой.

Лайза молчала, не смея что-либо ответить и разрушить то приятное впечатление, которое она успела произвести на Джона и лишиться из-за этого его поддержки. Ей нужна была эта работа. И воровка понимала, что обмануть умного слугу куда проще, чем его недалекую хозяйку. Дворецкий руководствовался при выборе горничной разумными общепринятыми принципами: профессиональными навыками девушки, воспитанностью и умением делать то, что говорят. Анну-Марию заботило совсем иное, как знала Лайза. А печь вкусные пирожные девушка так и не научилась.

Когда дворецкий открыл дверь в комнату госпожи, Лайза благоразумно осталась стоять в тени коридора, опасаясь преждевременно выдать свое присутствие. Это было бы весьма некстати для той, кто ничуть не подходила под озвученные баронессой Грей параметры.

Стоя в коридоре, Лайза слышала, как Джон рассказывает о ней баронессе. Слышала она и звонкие ответы Анны-Марии, общая суть которых сводилась к тому, что девушка не примет горничную, которую нашел ей Джон:

- Нет!

– И напрасно, госпожа. Это лучшая из всех кандидаток, которые побывали в этом доме в последние дни.

- Нет! Я не хочу ее видеть!

- Ну, пожалуйста, госпожа. Я уверен, Лайза понравится вам.

По какой-то причине баронесса на это ничего не ответила, и дворецкий ловко воспользовался ее молчанием:

– Лайза, войдите.

По-прежнему опустив голову, девушка предстала перед той, кому до нее демонстративно не было дела. В бледно-голубом с ярко-синими вставками платье, с волосами, разметавшимися по плечам, баронесса Грей возлежала на кушетке, устремив взгляд за окно.

– Она не подходит.

– Но вы даже не взглянули на нее...

Анна-Мария вскочила на ноги, машинально оправила юбку, отбросила назад волосы и выпалила на одном дыхании:

– А зачем на нее смотреть? Она же совершенно не подходит под то описание, которое я вам дала. Она высокая, светловолосая. Как может стать она при этом моей тенью? – девушка вдруг схватила Лайзу за руку. – А руки? Посмотрите на эти руки! Это руки музыканта. Как можно иметь горничную, которая умеет то, чем никогда не занималась я? А лицо? – Анна-Мария дотронулась рукой до подбородка Лайзы. – Это разве лицо горничной? Да она выглядит лучше многих светских дам! Они же будут на меня косо смотреть из-за нее.

Юная баронесса отпустила руку и подбородок Лайзы и словно без сил рухнула обратно на кушетку.

– Нет, она мне не подходит, – подытожила девушка.

– С вашего позволения, госпожа, но горничная – это не только внешность...

– А что же еще? Ведь мне нужна не просто горничная, а та, кого я смогу взять с собой в общество.

– От красивой куклы, госпожа, не будет толку.

– О чем это вы?

– Лайза останется.

– Ни за что!

– Хотя бы пока я не подыщу вам другую служанку.

Анна-Мария прикусила губу.

– Обещаю, я сделаю все возможное, чтобы поскорее удовлетворить ваши требования. Я непременно найду вам горничную в ближайшие несколько дней.

– Несколько дней? Это слишком неопределенно.

– В ближайшую неделю, госпожа, у вас появится новая горничная.

– Неделю? Ну, ладно. Уговорили, – со вздохом смилостивилась Анна-Мария, после чего отвернулась к окну, обиженно выпятив пухлые губки и жестом повелевая дворецкому и Лайзе покинуть ее комнату. – Но я вам это еще припомню. Я пожалуюсь барону, что вы не выполняете его приказа и докучаете мне! – прокричала девушка вслед своим слугам.

– Теперь вы понимаете, о чем я говорил? – осведомился Джон у Лайзы, когда они пришли на кухню. – Но не обращайтесь на нее внимания, моя дорогая. Вы будете работать горничной столько, сколько вам потребуется, если я того захочу.

– Я понимаю, сэр. Я согласна принять ваши условия, если только они не будут противозаконны.

– Бог мой! Конечно, нет. Все, что от вас потребуется – не допускать опрометчивых поступков госпожи и сообщать мне обо всем, что она делает. Это сущий пустяк. Разве я не прав?

– Вы правы, сэр. Это сущий пустяк.

Лайза с благодарной улыбкой приняла из рук дворецкого кружку с молоком и взяла черствую булку из корзинки на столе.

– Но, сэръ, – заговорила горничная, словно вспомнила о чем-то важном. Она предусмотрительно замолчала, дожидаясь позволения Джона продолжить. Дворецкий кивнул. – Чтобы исполнить ваше пожелание, мне придется подружиться с баронессой.

– Я не против. Если того требует дело.

Лайза вновь улыбнулась. Дворецкий даже не представлял, как сильно дело требует того, чтобы она подружилась с баронессой Грей.

Глава 4. Анна-Мария собирается на бал

Как не сдался Джон в тот миг, когда Стелла была принята Анной-Марией на работу, так и баронесса Грей не смирилась с тем, что дворецкий навязал ей Лайзу. На словах она согласилась потерпеть девушку неделю, но на деле все силы прикладывала к тому, чтобы вынудить горничную покинуть дом как можно скорее. Впрочем, сноровки юной баронессе явно не доставало. Отведенное время подходило к концу, и борьба рисковала затянуться. Анна-Мария прекрасно понимала, что свою часть обещания Джон не выполнит, и Лайза не потеряет работу спустя отведенное время.

Поэтому ранним утром четырнадцатого августа баронесса Грей отослала горничную исполнять очередной свой невинный каприз, на которые она была так щедра в последние дни. Сама же девушка спустилась в столовую. Плотнo закрыв за собой двери и посетовав немного на то, что распашные створки открываются совершенно бесшумно (а значит, кто-нибудь может незаметно войти и увидеть ее), Анна-Мария направилась к буфету. За его стеклянными дверцами в утренних лучах солнца красовался начищенный серебряный сервиз. Девушка потянула ручку на себя, но та не поддавалась.

– Заперто... И ключ, очевидно, у Джона, – прошептала она.

Могло ли это остановить юную баронессу? Никогда! Вынув из безупречной прически шпильку, отчего конструкция на голове ничуть не пострадала, Анна-Мария вставила отмычку в замочную скважину. Немного покрутила в замке, но ничего не добилась этим.

– Ну, что же ты? Открывайся, – прошипела баронесса.

Замок, конечно же, ее не послушался. Пришлось потратить еще минут пять, прежде чем упрямый механизм поддастся.

– Ну, Лайза, – Анна-Мария рассмеялась. – Теперь тебе придется уйти.

Девушка протянула руку к бокалу, возможно, тому самому, который подложил Джон Стелле, как вдруг услышала за спиной знакомый голос:

– Госпожа? Могу я вам чем-нибудь помочь?

Анна-Мария испуганно пискнула и резко обернулась. Лицо ее при этом вспыхнуло, не оставляя у дворецкого никаких сомнений в том, что девушка намеревалась сделать с серебряным бокалом.

– Не смотрите на меня так, – строго велела юная баронесса. Она постаралась взять себя в руки, и привычное раздражение оказалось весьма полезным в достижении этой цели.

– Как вам будет угодно, госпожа.

Джон медленно протянул руку к тому, что все еще держала баронесса. Улыбнулся, стирая с поверхности бокала отпечатки тонких пальчиков.

– Как неудачно все вышло, – покачал Джон головой. Анна-Мария промолчала, и дворецкий продолжил: – Ведь вы хотели подложить этот бокал Лайзе, чтобы добиться ее увольнения, и мое появление пришлось так некстати. Придется девушке остаться работать у вас.

– Да как вы смеете со мной разговаривать в подобном тоне? Вы, кто тем же способом вынудил уйти Стеллу!

– Тем же? Возможно, усмехнулся Джон. – Вот только пойманным воров оказался не я.

Анна-Мария густо покраснела.

– О, госпожа, не беспокойтесь. Этот маленький секрет останется между нами.

– Ни за что! Я не желаю иметь с вами никаких секретов! Забудьте об этом, или я напишу мужу и уговорю его, наконец, вас уволить.

– Сомневаюсь, что он согласится лишиться такого преданного слуги, как я.

Джон с вызовом посмотрел на девушку. Она ответила взглядом, полным ненависти.

– Когда барон предложил мне стать его супругой, он весьма неудачно забыл упомянуть о том, что мне придется терпеть вас.

«Совершенно с вами согласен», – подумал дворецкий.

Впрочем, вслух ничего подобного Джон произнести не посмел. Он понимал, что барон Грей вряд ли простит ему грубость в адрес супруги.

Поскольку повисла пауза, Анна-Мария сочла разговор законченным. Словесная перепалка выявила победителем ее, но во всем остальном юная баронесса, конечно, уступила своему более опытному сопернику. С грустью взглянув на все еще раскрытый буфет и прекрасный сервиз на его полках, девушка прошептала:

– Забудьте об этом. И я забуду о том, что вы посмели мне перечить. В конце концов, вы правы, Джон. Барону Грею – моему дорогому супругу – было бы обидно вас лишиться. И мне, пожалуй тоже, – Анна-Мария задорно улыбнулась, лишая дворецкого (будь у него такое желание) возможности серьезно отнестись к ее словам: – Ведь я еще совсем ребенок – за мной нужно приглядывать.

Юная баронесса подобрала подол платья и, не удостоив больше дворецкого ни взгляда, направилась прочь из столовой. За дверью, к своему удивлению, Анна-Мария обнаружила Лайзу. Впрочем, даже если девушка и слышала весь разговор своей госпожи с Джоном, баронессу это нисколько не тревожило.

* * *

Дни шли за днями, август подходил к концу. Лайза и баронесса Грей все еще были злейшими врагами, да и Джону перепадало временами от Анны-Марии. Но поскольку девушка больше не грозилась пожаловаться на него барону по любому поводу, да и в целом стала вести себя немного взрослее и разумнее, дворецкий стал относиться к ней снисходительнее. Во всем, что не касалось счетов.

В последний понедельник месяца ближе к вечеру, когда Анна-Мария обыкновенно удалялась к себе в комнату, чтобы отдохнуть перед ужином, Лайза вдруг услышала голос госпожи, доносившийся из гостиной на первом этаже. Заинтригованная происходящим горничная подкралась к полуоткрытой двери и осторожно заглянула внутрь.

Скромно обставленная комната никогда не использовалась по назначению в силу особенностей характера владельца дома. И потому было странно видеть в этих стенах сразу двух посетителей: Джона и юную баронессу, размахивающую перед дворецким каким-то листом бумаги.

– Как это так? Я хочу, а значит, могу! – звенел в гостиной голосок рассерженной девушки. Джон выступал только в роли слушателя, не находя возможности вставить хоть слово между возмущенными возгласами Анны-Марии. – Барон наказал вам исполнять все мои требования, он сказал вам, что я вольна делать все, что захочу. Почему вы не исполняете моей просьбы? Джон, я требую, чтобы вы подтвердили оплату этого счета!

Лайза бесшумно усмехнулась. Речь, очевидно, шла о счете за платье, которое баронесса Грей заказала себе для первого столичного бала. Платье, насколько понимала горничная, стоило своих денег, но денег, по словам Джона, слишком больших. Дворецкий в этой ситуации выступал целиком и полностью от имени своего господина, а его благородие не одобрял подобного расточительства. Потому-то Анна-Мария и ворчала на дворецкого вот уже третий день, требуя, чтобы он в соответствии со своими полномочиями подтвердил оплату счета. Стены крепости дворецкого изрядно пострадали во время осады, но все еще держались.

– Джон! Я требую! – прокричала Анна-Мария вслед уходящему слуге. Разговор топтался на месте, и Джон не видел смысла продолжать таким образом тратить драгоценное время.

Лайза едва успела сделать шаг от двери, чтобы ее не уличили в подслушивании.

– Добрый вечер, сэр, – поклонилась горничная дворецкому.

– Лайза? – Джон на миг выразил удивление ее присутствием, но быстро справился с собой. – Очень хорошо, что вы здесь. Пойдемте со мной, – привычным спокойным тоном добавил дворецкий.

Они направились вперед по коридору, удаляясь от двери в гостиную, когда на пороге появилась Анна-Мария. Увидев их вместе, девушка сжала кулачки и прокричала вслед звенящим от гнева голосом:

– Скрыга! И раз ты, Лайза, с ним заодно, теперь я не люблю тебя еще сильнее!

Горничная поморщилась. Поддерживать хорошие отношения с Джоном и стараться при этом быть в милости у Анны-Марии в последние дни стало практически невозможно. Размышляя, чьей дружбы ей будет безопаснее лишиться, девушка молча следовала за дворецким в сторону кухни. Однако в этот раз Джон повел ее несколько в ином направлении.

Не дойдя до кухонной двери, дворецкий свернул в узкий коридор, ведущий к его личной комнате. Предложил Лайзе войти.

– Здесь баронесса не сможет нас подслушать. Ведь вы заметили, что в последнее время она слишком часто появляется возле нас?

– Да, сэра, – кивнула Лайза.

– Пусть думает что угодно, но только не то, что мы с вами объединились против нее. Потеряв ее доверие, мы потеряем над ней контроль. Барону Грею это очень не понравится.

Джон достал из прикроватной тумбочки письмо и показал его Лайзе.

– Собственно, оно также является причиной нашего разговора здесь. Как вы видите, его благородие не доволен тем, что вам пока не удалось подружиться с Анной-Марией. Он требует, чтобы я уволил вас, но мне, признаться, этого совсем не хочется.

Лайза заметно побледнела. Желание дворецкого и грозящее увольнение само по себе мало волновали ее. Гораздо большее значение для воровки имело то, что если она лишится этой работы, Маска найдет ее и, несомненно, передаст полиции. Письмо с приказом встретиться от таинственного господина Лайза нашла сегодня утром на подоконнике. Не найдя лучшего места, спрятала за корсетом. И теперь бумага жгла девушки грудь, словно раскаленный металл. Необходимо было немедленно что-то придумать, поняла девушка, иначе уже вечером ее жизнь могла оборваться.

– Мы должны как-то изменить ситуацию, Лайза, – в тон ее мыслей заметил Джон.

– Но как?

– О, дорогая моя, вам дурно?

Горничная резко вскинула голову. Холодный пот проступил на лбу, дрожащей рукой она невольно коснулась письма под корсетом, но ответить при всем этом ей удалось спокойным ровным голосом:

– Нет, нет. Все хорошо.

– В таком случае, давайте вместе подумаем о том, как подружить вас с госпожой.

– Платье... – проговорила девушка. – Оно моя единственная надежда...

– Что? Лайза, я не расслышал вас.

Глубоко вздохнув, девушка вернула письмо барона Джону и заговорила осторожно, словно человек, ступающий на первый осенний ледок:

– Госпожа хочет платье к балу, но вы отказываете ей в этом, напрасно объясняя, что платье слишком дорого.

– Вы бы могли объяснить ей лучше?

– Нет, сэра. Я бы могла сделать вид, что мне удалось ради госпожи уговорить вас подтвердить оплату счета. Я бы могла сделать вид, что мне далось это нелегко. И если бы вы некоторое время были сердиты на меня, я уверена, баронесса бы оценила мои заслуги.

– Но чтобы вы могли поступить так, я должен действительно подтвердить оплату, – промямлил дворецкий. – Иначе ее благородие пуше прежнего невзлюбит вас. Да и меня, пожалуй.

– Вы правы, сэра, – со вздохом кивнула Лайза.

Джон в задумчивости сдвинул брови, прислонился к стене, сцепив руки на груди.

– Не кажется ли вам, что оставшись таким образом в этом доме, вы обойдетесь барону слишком дорого?

Воровка улыбнулась:

– Возможно, и дорого. Но не забывайте о том, что в таком случае в доме останется человек, которому вы и его благородие сможете доверять. Ведь не всякая горничная согласится шпионить за своей госпожой. К тому же, получив платье, баронесса, очевидно, станет лучше относиться и к вам. Барону Грею это, полагаю, понравится.

– А вы наблюдательны, Лайза. Его благородие в самом деле об этом мечтает. Однажды он приедет в столицу, и будет счастлив пожить в доме, где царит мир и покой.

Еще немного помолчав, дворецкий тяжело вздохнул. Он уже предвкушал неприятного содержания письмо, которое получит после того, как сообщит барону о своем согласии с требованиями Анны-Марии:

– Хорошо. Счет будет оплачен. Ступайте и обрадуйте баронессу.

– Благодарю вас, сэра.

Девушка покинула комнату дворецкого. Облегченно выдохнула. Еще никогда лезвие ножей, по которым она порой ходила, не были наточены так остро.

Впрочем, очень скоро мысли об этом покинули Лайзу. Она нашла баронессу в необъяснимо приятном расположении духа. Прижав одной рукой к груди какое-то платье, прежде незамеченное в гардеробе юной модницы, ее благородие кружилась по комнате, другой рукой придерживая юбку обновки, чтобы ненароком не повредить дорогое шитье на подоле. Горничную девушка не замечала, пока Лайза тихим кашлем не привлекла к себе внимание.

– А, подружка скряги, это ты! – приветствовала ее Анна-Мария.

Лайза склонилась перед своей госпожой, впервые за время службы в этом доме не испытывая обиды от колючего обращения баронессы Грей. Воровка в силу приобретенных профессиональных навыков и в силу полученной при рождении интуиции предполагала, какие чувства пробудят в этой своенравной особе ее последующие слова, и уже предвкушала удовольствие от получаемых извинений.

– Вы напрасно так думаете, ваше благородие, – проговорила Лайза. Чрезмерное смирение служанки насторожило Анну-Марию:

– Какую еще пакость вы там затеяли, моя дорогая? Учтите, баронессу Грей не так-то легко провести!

– Как вы можете думать о таком, ваше благородие? – продолжая переигрывать, возмутилась Лайза. – Как вы можете так дурно отзываться обо мне, после того, как я едва не навлекла на себя немилость господина Джона, чтобы только помочь вам?

– Помочь? – Анна-Мария отложила платье в сторону и, уперевшись кулачками в бока, приняла позу не то оборонительную, не то изготовки перед решающим ударом. – И чем же ты пыталась мне помочь?

Горничную заинтриговали уверенные интонации в голосе баронессы Грей. Девушка осторожно покосилась в сторону платья, неосторожно брошенного на кушетку, прикинула в уме его примерную стоимость.

– Госпожа, я пыталась уговорить господина Джона подтвердить оплату счета за ваше бальное платье... – Лайза нервно сглотнула. Анна-Мария никак не отреагировала на ее слова, следовательно, горничная не ошиблась: – Но как я вижу, это было ни к чему. Вы уже сами расплатились за ваше платье, раз его доставили вам.

Лезвие ножа вновь начинало заостряться...

– Разумеется, мне пришлось за него заплатить самой, – тем временем, продолжала юная баронесса. – Я всегда получаю то, что хочу: я всегда получаю все самое лучшее.

Лайза окончательно нахмурилась, чего больше не могла не замечать даже Анна-Мария. Ее благородие подошла к служанке и ласково коснулась ее плеча.

– Госпожа?

Юная баронесса смотрела на горничную с нежной, удивительно доброй улыбкой, какой прежде не доводилось Лайзе видеть на ее лице. Немного помолчав, будто подбирая верные слова, Анна-Мария ответила на удивление девушки:

– Я очень ценю твою помощь, Лайза. И еще... Прости, если я невольно оскорбила или обидела тебя. Я знаю, что порой слишком поддаюсь чувствам, я понимаю, что это недостойное поведение для замужней дамы. Но я ничего не могу с собой поделать. Лайза, сказать по правде, ты очень мне симпатична, и причины моей ненависти к тебе заключались прежде только в том, что ты была послушна Джону. Поэтому теперь, когда я убедилась в твоей преданности, я прошу тебя стать моим другом. Ты согласна?

Каким-то чудом удалось Лайзе сдержать охватившие ее чувства, сдержать слезы, навевшиеся на глаза. Каким-то чудом удалось Лайзе сохранить разум и не дать баронессе Грей клятвы, на которую дворецкий посмотрел бы дурно. И после которой ее работа была бы навсегда окончена – в этом можно было не сомневаться.

– Госпожа, – нарочно не пытаясь побороть дрожь в голосе, заговорила Лайза, – мне очень лестно все, что вы мне только что сказали. Однако же я простая служанка. Как можно мне принять ваше предложение, ваше благородие?

– Ты можешь его принять, Лайза. Ведь я сама тебе это предлагаю... Нет! Я прошу тебя об этом.

Горничная склонила голову, являя собой образец идеальной покорности и преданности. Пустив все-таки настойчивую слезу, Лайза прошептала:

– Простите, госпожа, но я не приму вашего предложения. Я не смею. Что же касается нашей дружбы, я никогда не думала о вас иначе, и если вы будете думать обо мне, как о своем друге...

– Ну, разумеется, Лайза! А как же иначе!

Тонким пальчиком коснувшись ее подбородка, Анна-Мария велела девушке поднять голову. После чего подбежала к кушетке, схватила платье и вновь прислонилась к себе.

– Тебе нравится? Я буду в нем самой красивой на балу?

– Вы прелестны, госпожа... – только и сумела вставить Лайза, удачно уместив этот комплимент в единственную паузу во внушительном восторженном монологе баронессы Грей. Как справедливо подметила про себя Лайза, ее госпожа слишком долго молчала – по крайней мере, с того самого мига, как ступила под крышу дома своего супруга.

Таким образом, установив доверительные отношения с ее благородием (что, однако, не избавило горничную от нарочно капризных просьб Анны-Марии) и сохранив дружеские с дворецким, Лайза могла больше не тревожиться о предстоящей встрече с Маской.

* * *

Едва часы в гостиной пробили полночь, девушка бесстрашно спустилась в сад по веревочной лестнице, сброшенной из окна ее комнаты. Пересекла тропинку, проходящую между клумбами, и притаилась под ветвями клена, очевидно, выдавшего еще детство барона Грея. Отсюда она могла следить за светом в окнах дома, а значит, и за перемещением Джона по комнатам. Да и внутренний парк был у нее как на ладони.

Лайза поискала глазами лестницу, и с трудом разглядела ее на фоне серой стены. Поднявшись взглядом до второго этажа, девушка недолго изучала оконный проем своей комнаты. Потом перевела взгляд на соседний – в комнате баронессы. Сквозь неплотно задернутые шторы (Лайза нарочно их так сдвинула) не пробивалось и тусклого лучика света: Анна-Мария уже спала.

Занятая изучением покинутого на некоторое время дома, воровка не заметила, как с другой стороны клена к его стволу прильнула тень. С минуту тень наблюдала за Лайзой, после чего сделала шаг в сторону и произнесла:

– Доброй ночи тебе, воровка.

Девушка вздрогнула, но больше от неожиданности, чем от напрасного напоминания о роде своих занятий.

– Господин Маска? – Лайза собралась было упрекнуть его в опоздании, но, взглянув в глаза, блестящие сквозь прорези в черной ткани, закрывающей лицо, передумала – так ясно напомнил их холодный взгляд о стали клинка, умело использованного Маской в ночь прошлой встречи.

Лайза чуть слышно сообщила, что выполнила данные ей ранее указания, и спросила, что должна делать дальше.

– Знаешь ли ты виконта де Гра?

– Жан-Поля? Его сложно не знать. Очень симпатичный, хотя уже не молодой человек.

– Он тот, кого ты обесчестишь первым, – не обращая внимания на комментарии Лайзы, продолжил Маска.

– Жан-Поля де Гра?! – Лайза не посчитала нужным скрывать свое удивление.

– Тебя что-то смущает?

– В общем-то, нет, – пожала плечами воровка. – Мне все равно, в чью сокровищницу залезать. Просто виконт был последним человеком, кого я заподозрила бы в связях с заговорщиками. Он всегда выступал на стороне короля, о каком бы деле не заходила речь.

– На то у него были причины. Ведь есть же причины у тебя поддерживать заблуждение Джона на твой счет. Скажешь «нет»? Я не поверю. Такой человек, как ты, и такой человек, как этот дворецкий, слишком преданы своим интересам и способны быть друзьями только по причине острой необходимости в том.

– Вы совершенно правы, господин, – вынуждена была согласиться Лайза, с сожалением признавая и то, что человек в черном в точности озвучил ее мысли.

Маска, должно быть, ждал, что девушка скажет еще несколько слов относительно своих отношений с Джоном. Однако добавить к сказанному Лайзе было нечего, и господин, поняв это, заговорил сам:

– Сделаешь это на предстоящем балу. Полагаю, проблем с попаданием на него не будет? Вот и славно. А ночью после мероприятия, как только баронесса ляжет спать, на этом самом месте сообщишь мне положительные результаты. Если вопросов у тебя больше нет...

– Вообще-то... – робко прервала его Лайза.

Помявшись на месте, скомкав руками передник и тут же рваными движениями разгладив его, воровка сделала глубокий вдох и все же решилась спросить:

– Скажите, господин, когда в мае вы говорили о том, что в этом доме появится хозяйка, вы уже знали, что это будет Анна-Мария?

Маска пристально взглянул на нее

– А почему тебя это интересует? – спросил он. – Хотела бы другую?

– Пожалуй... – протянула Лайза. Но тут же спохватилась, поняв, что сболтнула лишнего, и поспешила добавить: – Она мне нравится, но я никак не могу привыкнуть к ней. Я не знаю, чего ждать от нее в каждый следующий миг!

Маска рассмеялся.

– Она создает тебе немалые трудности. Верно?

– Лучше и не скажешь.

– Что ж... Разве тебе была обещана легкая работа?

– Нет, но вы могли бы предупредить меня, о том, с чем мне придется иметь дело. Я привыкла работать, зная, что может произойти, и зная, как мне следует на это реагировать. А баронесса...

Вздыхнув, Маска запахнул свой черный плащ и шагнул прочь от Лайзы, выходя в то же время из-под раскидистых ветвей дерева.

– Вспомнив наш прежний разговор, Лайза, ты поймешь, что необходимая помощь тебе была оказана. На этом все. До встречи.

И он растворился в ночи, словно и не было в саду барона Грея постороннего человека. Лайза прислушалась к звукам, доносившимся из разных концов крохотного парка. Как она ни старалась, ей не удалось расслышать звука шагов. Подивившись этому, горничная подобрала подол платья и медленно побрела к дому.

Маску забавляли трудности Лайзы, в этом у нее не было сомнений. Забавляли еще и по тому, что он с самого начала предполагал эти трудности. Еще той ночью, когда привел ее в наручниках в подвал и велел сесть на старый ящик. И теперь, когда девушка поняла это, в ней вспыхнула вполне обоснованная злость, которая, впрочем, быстро стала утихать, едва Лайза припомнила первый разговор с Маской, как он того и советовал.

Девушка остановилась перед серой стеной, взялась за конец лестницы. Как бы там ни было, у нее была крыша над головой, мягкая кровать, вкусная еда и достойная оплата за приличный труд – этого не стоило сбрасывать со счетов. Если бы не предложение господина в черном, подумала воровка, она никогда бы не осмелилась наняться горничной в этот дом. Никогда бы ей не удалось убедить дворецкого Джона в том, что именно она ему нужна. И, разумеется, сама недурная мысль действительно (а не с целью ограбления) поступить в услужение к знатной даме ей бы никогда не пришла в голову. Лайза завершила подъем, втянула в комнату лестницу и стала ее сматывать.

Закончив и надежно спрятав моток под кроватью, Лайза на цыпочках подкралась к двери, ведущей в комнату Анны-Марии. Прислушалась, открыла дверь и осторожно заглянула внутрь. Юная баронесса крепко спала.

– Бедняжка, ведь она и подумать не может о том, в какую мерзкую историю оказалась втянута.

Лайза закрыла дверь. Было глупо предполагать, что Анну-Марию использовали люди короля, и что она была в курсе этого. Прелестному существу, справедливо носящему фамилию Флер, насколько успела уяснить горничная, невозможно было доверить ни одного секрета.

Злость вновь овладела Лайзой. Ведь она теперь также являлась одним из тех людей, кто использует (пусть и помимо собственной воли) юную баронессу. Не хотелось думать об этом. Возможно, причиной тому была наивность Анны-Марии. Возможно – ее искреннее предложение сделать Лайзу своим другом. А, возможно, как раз то, что друзьями они уже стали. Друзьями по несчастью. Впрочем, характер дружбы не играл сейчас значительной роли. Гораздо важнее воровке было то, что она вдруг ощутила не только чувства, связывающие ее и баронессу Грей, но и что-то превосходящее эти чувства. Словно какая-то незримая нить связала двух девушек прочными узами.

Несколько раз смерив свою комнатку нервными шагами, горничная остановилась возле окна. Оно все еще было настежь распахнуто, и прохладный поток воздуха свободно проникал в помещение. Лайза подставила ему лицо. Ужасно хотелось закрыть глаза и насладиться чистой ночью, но она не сделала этого. Девушка слишком хорошо понимала, что поддавшись сейчас невинному желанию, она не устоит и под напором остальных. А в ее теперешнем положении Лайза не могла проявлять слабость, не могла позволить чему-то другому, кроме разума, вести себя. Со всех сторон под маской друзей ее окружали враги, и не было никаких гарантий, что Анна-Мария, сама того не подозревая, не войдет в их число.

Горничная вздохнула, закрыла окно и легла в кровать. Не прошло и минуты, как она уснула.

Глава 5. Лайза делает второй шаг

Гости, собравшиеся на бал в доме герцога Шанто, отнеслись к Анне-Марии со всем возможным почтением, что, впрочем, не стало неожиданностью для юной баронессы Грей. Ведь, как и должно каждой жене, она видела в собственном муже едва ли не бога, искренне верила в то, о чем говорила, и потому без всякого удивления обнаружила, что и остальные аристократы столицы относятся к его благородию так же.

Однако не только указанное выше само собой разумелось для девушки. Ничуть не смутило Анну-Марию и замечание хозяина дома о том, что она, подобно королеве, явилась на бал в сопровождении горничной. Девушка подняла на герцога свои прелестные глаза, скрытые в тени пушистых ресниц и, как ни в чем не бывало, ответила:

– Да. Говорят теперь это модно в столице.

«Прелестно...» – подумал после такого ответа герцог Шанто, не зная еще, какую эмоциональную окраску следует придать своей мысли. Анна-Мария была восхитительно мила своей наивностью. Однако ее величество, которой, несомненно, будет передан состоявшийся разговор, вряд ли оценит это качество юной баронессы.

Лайза, стоявшая чуть позади своей госпожи, также не оставила ответ Анны-Марии без внимания. Легкая улыбка коснулась ее губ, и она вынуждена была резко опустить голову, чтобы ее скрыть.

– Что такое, Лайза? – заметив ее движение, поинтересовалась баронесса.

– Если я создаю вам трудности, госпожа, не лучше ли мне уйти?

– Вот еще! Какой вздор! Ты создашь мне трудности, если уйдешь, Лайза, – пояснила девушка свои первые слова.

Герцог вздохнул, посетовал вполголоса на то, что современным барышням недостает такта, подумал, что понимает барона Грея, пожелавшего остаться в загородном имении без жены. Его светлость и сам уже был в почтенных летах, и ему было несложно представить, какой мукой стало для барона присутствие юркого существа под одной с ним крышей.

– Прошу вас, баронесса, почувствуйте себя как дома, – все же вынужден был произнести любезный хозяин, жестом предлагая присоединиться к другим дамам из высшего света.

– Непременно, – улыбнулась в ответ гостя.

Девушка прошла в указанном направлении и тут же была атакована столичными дамами, слышавшими о ней достаточно, чтобы заочно принять Анну-Марию в свой круг. Отделаться от навязанной ей компании юной баронессе удалось, лишь сославшись на внезапную мигрень.

– Лайза, принеси мне воды, – велела Анна-Мария, удаляясь прочь от надоевших гостей его светлости.

К сожалению, наслаждалась девушка одиночеством не слишком долго. Не прошло и минуты, как возле нее образовался кружок из столичных дворян, желавших всеми силами утешить одинокую супругу скучного и, по всей видимости, безразличного к ней старика. Среди любезных кавалеров был и виконт де Гра, появление которого особенно обрадовало Лайзу, как раз вернувшуюся с фужером для госпожи. Воровка, в силу нежелания своей госпожи проводить время на балу должным образом, вынуждена была коротать время вдали от многочисленных гостей мужского пола и уже отчаялась встретиться со своей жертвой.

Сделав несколько глотков, Анна-Мария вернула стакан своей служанке. Заметила ли она только теперь или заподозрила неуместное внимание Лайзы к виконту несколько ранее и терпеливо наблюдала за развитием событий, но юная баронесса вдруг воскликнула:

– Лайза, ты смотришь так, будто влюблена!

Горничная покраснела, виконт закашлялся. Окружавшие Анну-Марию мужчины переглянулись, но посчитали лучшим больше никак не реагировать на слова девушки.

– Простите, госпожа, – тем временем попыталась Лайза сгладить эффект от восклицания юной баронессы.

– Ну, почему же ты извиняешься? – не желая понимать истинного смысла слов своей спутницы, прервала ее Анна-Мария. – Ведь любовь – это такое прекрасное чувство! Это такое редкое чувство! И когда она, словно божественная искра, вспыхивает между мужчиной и женщиной, разве не состоит наш долг в том, чтобы искорка разгорелась ярким пламенем? Вы согласны со мной, виконт?

Виконт де Гра вторично зашелся нервным кашлем. Наивное представление Анны-Марии о жизни и, по его мнению, полное отсутствие представления о правилах этикета переходили всякие разумные (и неразумные) границы.

– Прошу меня простить, баронесса, – выдавил, осознав это, виконт и поспешил покинуть маленькое общество.

Лайза украдкой проследила, как он скрылся за дверью, ведущей в холл. Он определенно не собирался дольше задерживаться на балу, подозревая, что через несколько минут все присутствующие будут говорить о нем, пусть не осуждая, но в контексте истории, другими участниками которой были баронесса Грей и ее горничная.

Вернувшись взглядом к окружавшему Анну-Марию обществу, Лайза поймала на себе два или три сочувствующих взгляда. Что ж, подумала она, эти взгляды могут принести ей пользу. Служанка или госпожа, прежде всего, она женщина, и каждый мужчина неосознанно считает своим долгом оказать ей услугу.

– Простите, госпожа, – обратилась к ее благородию все еще покрасневшая горничная. – Вы позволите мне отлучиться на несколько минут.

Воровка подозревала, что может ответить на это юная баронесса, и даже надеялась на подобный дерзкий ответ.

– О! Ты хочешь догнать своего возлюбленного? – оправдались надежды Лайзы. Хотя и не лучшим образом, ведь Анна-Мария озвучила истинное намерение воровки. – Как это мило!

– Ну, что вы, баронесса, – поспешили дворяне остановить Анну-Марию. – Вашей горничной дурно. И не удивительно. Здесь так душно!

Они едва ли не хором предложили Лайзе подышать воздухом. Помимо подсознательного стремления помочь хорошенькой девушке, мужчины сознательно рассчитывали на то, что когда Лайза уйдет, исчезнет необходимость терпеть проявление дурного воспитания баронессы. Лишиться все же приятного общества Анны-Марии они не спешили.

Однако вышло так, что лишившись объекта своих неуклюжих шуток (именно шуткой с точки зрения Анны-Марии было все происходящее), юная баронесса заскучала. Обведя окружающих ее людей внимательным взглядом, Анна-Мария поняла, что больше не желает терпеть их присутствие возле себя. И поскольку сослаться на мнимую головную боль (и разрешить дело миром) она уже не могла, девушка громко хлопнула в ладоши, привлекая к себе внимание.

– Благодарю вас, господа, что отнимали у меня время, – решительно изрекла она, не видя иного способа отделаться от прилипчивой компании. – Но теперь покиньте меня, ибо остаток вечера я не намерена тратить на вас.

У кого-то из присутствующих вырвался вздох жестокого разочарования, и Анна-Мария услышала слова:

– Как же так можно, баронесса? Вы отвратительно себя ведете!

Несомненно, окружавшие ее мужчины стремились хоть немного вразумить юную баронессу. Но вышло так, что они смогли лишь убедиться в том, что диковатая красавица не способна понять намеков и не готова признать недостатков собственного воспитания. Потому что на это замечание Анна-Мария ответила:

– Отчего же? Я честна с Вами. Разве честность может быть отвратительна?

Поспорить с этим было возможно. Но никто не отважился возразить той, кто в силу своего возраста, мыслила несколько иными категориями, чем было принято в дворянской среде. Ее благородие только-только вступала во взрослую жизнь, и честность еще не утратила для нее своей привлекательности и не успела сделать жизнь девушки слишком сложной, чтобы предпочесть искренности умелую игру.

Так или иначе, но своей цели Анна-Мария добилась. Спустя пару минут она осталась в одиночестве сидеть в кресле возле самого дальнего окна бальной залы.

Впрочем, одиночество длилось недолго.

– Позвольте выразить вам мое восхищение, – услышала Анна-Мария.

Невысокий, худой и слишком молодой для занимаемого им сана кардинал Уилфрид Линн стоял перед ней с вытянутой вперед рукой, терпеливо дожидаясь, пока юная баронесса узнает его и вспомнит, что ей надлежит сделать.

Анна-Мария залилась краской и спешно встала, чтобы тут же опуститься на колени и поцеловать протянутую кисть в алой перчатке. По зале тут же пронесся шепот: шутка ли, ее благородие без каких-либо усилий сумела завладеть вниманием первого после короля человека в государстве!

Услышав ли этот шепот или просто догадавшись о том, какой эффект произведет на собравшихся его милость, кардинал Линн согнул в локте правую руку, приглашая девушку покинуть на время душное помещение.

– Дочь моя, примите мои извинения за то, как неловко я обратился к вам, – заговорил священнослужитель, когда они с Анной-Марией очутились на террасе.

– На то, верно, были серьезные причины.

– Не знаю, насколько серьезной причиной может быть послание его величества.

Анна-Мария на миг удивленно округлила глаза, но более ничем не выдала охватившего ее волнения.

– Король просил передать вам, что вы совсем забыли его, дочь моя, – продолжил кардинал. – Его величество утверждает, что за прошедшие несколько месяцев вы не написали ему ни одного письма.

Вздыхнув, юная баронесса высвободилась из рук его высокопреосвященства, подошла к перилам. Некоторое время она стояла, собираясь с мыслями, после чего, сложила руки на груди, словно умоляя своего собеседника понять ее без слов, подобрать которые ей не удалось. Его высокопреосвященство не понял, и тогда девушке все же пришлось произнести крайне неуклюжую, по ее мнению речь:

– Теперь я не свободна. Теперь я баронесса Грей. Его величество, вероятно, позабыл об этом, когда просил передать мне его несправедливые упреки.

– Король прекрасно помнит об этом. Однако, по его мнению, это не может быть оправданием вашему молчанию, дочь моя.

– Не может?

– Он беспокоится...

– Обо мне? Напрасно. Я живу очень хорошо. Я ни в чем не нуждаюсь. Правда, дворецкий моего супруга немного недолюбливает меня... Но это пустяк! Если возникнет острая необходимость, я и с ним смогу найти общий язык.

– И все же его величество беспокоится...

– И я вновь повторю, ваше высокопреосвященство, его беспокойство напрасно.

Анна-Мария внезапно перевела взгляд с привычно бледного лица кардинала на человека, стоявшего за ним. То была Лайза. Она только что пришла на террасу, и вполне могла случайно подслушать неосторожно ведомый разговор. Впрочем, своих страхов Анна-Мария ничем не выдала и вскоре убедилась в их необоснованности.

– Что случилось, Лайза? Ты как будто запыхалась, – участливо спросила баронесса.

Горничная действительно дышала тяжело, но разумной причины своему состоянию не смогла подыскать, и потому отрицательно покачала головой.

– Я искала вас, госпожа. Сначала в зале, потом вышла сюда, – спешно проговорила девушка, стараясь отвести мысли ее благородия от собственного физического состояния.

– И тут нашла, – с улыбкой отозвалась Анна-Мария. Немного помедлив, она добавила: – Я скоро вернусь. Жди меня там, где я сидела.

– Как прикажете, госпожа.

Лайза поклонилась и быстро покинула террасу.

– Какая милая девушка, – заметил кардинал Линн.

– И какая довольная, – подметила Анна-Мария. – С чего бы это вдруг? Прежде я не замечала за ней такого настроения.

Разговор с кардиналом мог продолжаться еще очень долго. Не было никаких сомнений в том, что Анна-Мария расположена вести его, равно как и священнослужитель. Но словно внезапно вспомнив о чем-то, юная баронесса вдруг подхватила подол платья и поспешила обратно в залу. На полдороги, она вдруг замерла, резко обернулась и произнесла:

– Его величество напрасно беспокоится по пустякам. Передайте ему, что все превосходно.

Кардиналу Линну эти слова показались слишком простыми и беспечными. Такое послание вряд ли имело смысл просить передать его величеству через доверенное лицо. А значит, Анна-Мария только что сказала гораздо больше, чем священнослужитель только что услышал. А это в свою очередь означало, что юная баронесса возложила на его высокопреосвященство ту же роль, что и его величество несколько ранее – роль простого посланника.

– Что бы это ни значило, – прошептал кардинал, – пусть судит их Господь.

И, расправив рукав своей рясы, он последовал за баронессой Грей обратно к гостям.

* * *

Бал в доме герцога Шанто завершился грандиозным фейерверком. Приглашенные были в восторге, и покидали гостеприимный дом с улыбками на лицах и мыслями о том, как будет хорошо вернуться сюда.

Не стала исключением и Анна-Мария. Возвращаясь домой, в карете она не замолкала ни на миг.

– Все было просто чудесно! – восхищалась девушка. – Угощения, собеседники, сюрприз, устроенный в конце. Конечно, некоторые гости проявляли ко мне неприятно-повышенное внимание, но разве с тем же не столкнулась я на балу у графини Дюваро? Тут уж ничего не поделаешь: Бог одарил меня красотой, и мне приходится теперь смиренно переносить это наказание.

– Отчего же наказание, госпожа?

Юная баронесса недовольно поджала уголки губ:

– Ты меня совсем не слушаешь, Лайза. Что с тобой сегодня такое? То ты светишься от счастья, то на тебя вдруг находит оцепенение, которому я, как ни стараюсь, не могу найти объяснения. Уж не влюбилась ли ты, в самом деле, в виконта де Гра? А, может, он ответил тебе взаимностью? Ты выглядела так странно, когда появилась на террасе. Уж не произошло ли это после вашей встречи и признания?

Лайза благодарилась ночной мрак, что он не позволил Анне-Марии разглядеть общей бледности ее лица и алых, без сомнений, щек.

– Нет, госпожа, виконт здесь ни при чем, – спокойно солгала Лайза. Слова дались ей нелегко, и девушка надолго замолчала, понимая, что малейший звук с ее стороны выдаст тревожное состояние.

Карета остановилась перед крыльцом. Джон открыл дверцу и протянул баронессе руку. Лайза испугалась, что Анна-Мария откажется от его помощи, что дворецкий не уйдет, что

внимание его обратится к ней, и он заподозрит неладное... Однако юная госпожа в этот вечер не была настроена ворчать на Джона.

– Мы очень весело провели время, скряга, – приветствовала слугу Анна-Мария. Не смотря на то, что Джон все-таки подтвердил от имени ее супруга оплату счета, девушка не собиралась менять своего мнения о нем. По крайней мере, сейчас, когда дворецкий мог увидеть платье и его счастливую обладательницу во всей красе.

– Я рад за вас, госпожа, – отозвался Джон. Было уже поздно, и он слишком устал днем, чтобы противиться своей участи.

– Мы познакомились почти со всеми дворянами столицы. Жаль только, что его величества не было на балу. Мне бы хотелось его увидеть. Но это ничего. Я разговаривала с кардиналом, и он передал мне послание от короля, – Анна-Мария замолчала, словно дожидаясь восхищения дворецкого. Джон не доставил ей такого удовольствия, но лишь потому, что не понял, как следует ему отреагировать на слова баронессы, не затаив при этом обиду с ней.

Проводив девушку до комнаты, дворецкий убедился, что ей ничего не нужно, и, облегченно выдохнув, отправился к себе. Лайза проводила его завистливым взглядом.

– Помоги мне снять платье, – велела баронесса.

Горничная, все еще не владеющая собой до конца, молча подчинилась. После того, как платье оказалось на кушетке, Анна-Мария уселась перед зеркалом и протянула Лайзе расческу.

– Сделай это и можешь быть свободна, – обрадовала она служанку.

Разобрать замысловатую конструкцию на голове девушки оказалось гораздо сложнее, чем ожидала Лайза. Почти целый час она провозилась с мелкими заколками, несколько раз при этом больно дернув волосы Анне-Мариин.

– Что же все-таки с тобой происходит? – вслух размышляла баронесса, в зеркало наблюдая за неловкими движениями горничной. – На влюбленную ты действительно не похожа. Возможно, причиной твоего состояния являются нервы. Не мудрено после такого события (ведь это твое первое появление в высшем свете) почувствовать себя нездоровой. Да, пожалуй, это действительно от нервов. Когда со мной такое приключается, я обычно выпиваю стакан молока. Это помогает.

Положив на столик последнюю заколку, Лайза устремила благодарный взгляд на госпожу. Баронесса очень хотела ей помочь, даже не догадываясь об истинной причине беспокойства служанки. Да и как могла она догадаться? Ведь Анна-Мария не представляла, что за человек находился сейчас рядом с ней. Она не подозревала, какое дело не без успеха провернула Лайза во время своего короткого отсутствия на балу, так что честь виконта де Гра – кольцо с огромным рубином – теперь была спрятана за корсетом воровки.

Собственно, в наличии этого кольца у нее и заключалась главная проблема Лайзы. Она понимала, что это несомненное доказательство ее вины, но не могла поступить с уликой так, как неизменно поступала после прежних своих краж: кольцо должно было оставаться при ней до тех пор, пока она не передаст его Маске. Вероятно, поэтому в парк по веревочной лестнице воровка спустилась быстрее, чем в предыдущий раз. Поэтому тревожнее было ей в те минуты, когда она дожидалась Маску. За старым кленом, за каждым кустиком, за каждой травинкой мерещился ей полицейский. Обхватив себя за плечи, девушка уже была готова разрыдаться от отчаяния, когда мрак в паре шагов от нее, наконец, обрел знакомую форму.

– Господин, – двинулась в его сторону девушка. Без смущения достала она из-за корсета кольцо и протянула его человеку в черном.

– Как неосторожно, Лайза. Почему, увидев тень, ты решила, что это непременно я? Перебраться через забор мог любой полицейский.

Говоря все это, Маска внимательно смотрел на то, что было зажато в ледяных пальцах Лайзы. Однако брать кольцо он отчего-то не спешил.

– В другой раз советую затаиться, пока я не окликну тебя, и ты не убедишься в том, что я – это я.

– Непременно, господин, – кивнула Лайза, продолжая держать кольцо на вытянутой руке. Маска сделал еще шаг вперед, взглянул на кольцо пристальнее, но не сделал даже попытки его взять.

– Да. Оно подлинное. Сомнений у меня больше нет, – сообщил он.

Лайза вздрогнула. В тоне слов Маски девушке почудилось подтверждение его действиям: таинственный господин не собирался забирать у воровки кольцо в этот вечер.

И словно давая еще одно подтверждение, Маска перевел взгляд на окна дома. Скользнул взглядом сначала по первому, потом по второму этажу.

– Ладно, – решительно изрек он. – Как только ты мне понадобишься, я свяжусь с тобой.

– Вы уже уходите? – спросила Лайза, все еще не желая верить в это. Она едва держалась, чтобы не дать отчаянию захватить себя.

– Мне здесь больше нечего делать, – спокойно ответил Маска.

– Но как же кольцо? Вы не возьмете его? Ведь я украла его для вас... – дрожащим голосом проговорила Лайза.

Маска не стал отрицать:

– Украла для меня. Но мне это кольцо пока не нужно. Это улика. И мне бы не хотелось каким бы то ни было образом быть связанным с ним.

– Кто бы сомневался, – проворчала Лайза. Страх сменился возмущением, которое вот-вот грозило перейти в гнев. – Всей вашей шайке будет лучше, если честь обнаружат у простой воровки. Ведь никто не поверит в то, что я действовала не по своей воле. Тем более что я даже имени вашего не знаю! Господин Маска...

– Верно, – растянув губы в беззвучной усмешке, отозвался он. – Но я полагаю, что кольцо не обнаружат у тебя. Дом большой, несомненно, ты найдешь укромное место для этой и остальных «дворянских честей». А когда украдешь все, какие нам требуются, все сразу и отдашь мне в обмен на обещанные золотые.

Лайза спрятала кольцо обратно за корсет. Господин Маска не оставлял ей выбора.

– Доброй ночи, Лайза.

– И вам того же, – отозвалась девушка.

Как ни старалась воровка, в эту ночь она не смогла сомкнуть глаз. Прислушивалась к малейшим шорохам, забивалась к стене, если вдруг на улице ей чудились приглушенные голоса.

* * *

Когда утром Анна-Мария осторожно постучала в дверь ее комнаты, Лайза до боли прикусила губу, сдерживая крик, и горько бесшумно разрыдалась, представляя, как в ее комнату сейчас войдут полицейские и найдут в ящике прикроватной тумбочки честь виконта де Гра. К счастью, баронесса Грей оказала Лайзе неоценимую услугу, не проявив настойчивости в желании увидеть свою служанку. Девушка предполагала, что ее горничная еще не оправилась от вчерашнего переживания. И постояв недолго под дверью, Анна-Мария решила, что ничего страшного не произойдет, если она самостоятельно оденется к завтраку: раньше ей почти всегда приходилось делать это самостоятельно.

Когда юная баронесса спустилась вниз, Джон уже принес в столовую поднос с кофейником.

– Доброе утро, госпожа.

– Пожалуй, что так, – ответила Анна-Мария.

– Как вам спалось?

– Превосходно. Я вчера так устала. Но я ничуть не жалею о том, что оставалась на балу до конца. После завтрака, Джон, принесите в гостиную перо и бумагу. Хочу написать барону о вечере.

– Как вам будет угодно, госпожа.

Уже заканчивая завтракать, ее благородие подумала о том, что неплохо было бы отнести поесть и Лайзе. Еда придала бы сил ее горничной.

– Джон! – позвала девушка.

Дворецкий появился в дверях, несомненно чем-то озабоченный. И беспокойство о горничной мгновенно уступило место заинтересованности состоянием Джона:

– Что случилось?

– Ваше благородие, мне только что стало известно, что во время вчерашнего бала у герцога Шанто произошло одно крайне неприятное происшествие, – покорно произнес дворецкий, не сказав девушке ничего конкретного.

– Вы нарочно говорите так долго? Чтобы вызвать мое любопытство? – недовольно нахмурилась Анна-Мария. – Ну же, Джон, Вы преуспели в этом, а потому не томите больше: расскажите, что там произошло!

– У виконта де Гра вчера украли честь.

– Как мило! – захолопала в ладоши баронесса, позволив распиравшим ее чувствам завладеть ею без остатка. – И кто же?

– Пока неизвестно. Когда виконт покидал вас (он совершенно в этом уверен), кольцо с рубином еще было у него на руке. Однако когда он сел в карету и велел своему кучеру ехать домой, рука его была уже голой.

– Стало быть, честь украли в то время, когда виконт выходил. Как интересно! Но... Почему же он никому не сообщил о своей потере? Вчера на балу об этом не было сказано ни слова.

– С его слов: он не хотел портить праздник своего друга – герцога Шанто.

– Как благородно! И как подло со стороны вора так поступить в отношении такого благородного человека. Его непременно должны наказать!

– Как только вор будет схвачен, можете не сомневаться, госпожа, ему вынесут самый суровый приговор, – с поклоном подтвердил Джон.

– Я уверена, после того, как виконт сообщит полиции приметы негодяя, найти и арестовать преступника не составит труда!

Дворецкий покачал головой. О наличии у полиции примет вора ему ничего не было известно.

Видя, что интерес Анны-Марии иссяк, Джон хотел было спросить у госпожи, по какой причине она его позвала, как вдруг девушка побледнела и хриплым от волнения голосом произнесла:

– А я вот уже два дня не видела свое колье. Что если и его украли, а я об этом даже не подозреваю? Джон! Немедленно позовите Лайзу. Пусть принесет мою шкатулку.

С тяжким вздохом, дворецкий направился к выходу, но Анна-Мария остановила его. После досадного недоразумения, имевшего место в день ее приезда в столицу, ключ от шкатулки девушка вновь повесила на жгут и держала всегда при себе, надежно пряча под одеждой. Сейчас же она уверенным движением сорвала его и протянула дворецкому.

– Пусть Лайза откроет шкатулку, – приказала баронесса.

Ее поручение было в точности исполнено, и не успела Анна-Мария допить кофе, как на столе перед ней появилась деревянная сокровишница. Рука Лайзы терпеливо лежала на крышке, поскольку баронесса никак не могла решиться приказать служанке эту самую крышку поднять.

– Ладно. Что произошло, того назад не воротишь, – прошептала девушка и, наконец, кивнула.

Радостный крик вырвался у нее из груди. Она протянула тонкие пальчики к содержимому шкатулки и извлекла на свет дивной красоты кольцо. Благодаря ли россыпи разноцветных камней или благодаря дивному узору золотой основы, кольцо напоминало изящный букет полевых цветов, диких и нежных, подобно юной баронессе.

– Оно цело, – прошептала Анна-Мария с блаженной улыбкой. – Знаешь, Лайза, эта безделушка все, что осталось мне от матери. И если я скажу, что оно для меня гораздо дороже того золота, на которое его можно обменять, я напрасно потрачу слова. Ценность кольца не передать никакими словами!

– Я понимаю, госпожа.

Баронесса убрала свое сокровище обратно и собственноручно захлопнула крышку. Долго смотрела на нее. Потом вздохнула:

– Лайза, думаю, тебе не составит труда приносить мне шкатулку каждое утро, чтобы каждый день я могла быть уверена в том, что кольцо на месте.

– Я все исполню, госпожа, если вы этого пожелаете.

– В таком случае, оставь ключ себе. Будешь приносить мне шкатулку уже открытой.

– Госпожа... Вы настолько доверяете мне?

– А почему я не должна тебе доверять? – искренне удивилась баронесса Грей.

Лайза смиренно опустила голову.

– Вы можете мне полностью доверять, госпожа, – почти искренне проговорила воровка.

Джон недовольно кашлянул. Поступок юной баронессы, по его мнению, граничил с безрассудством. К тому же не было никаких оснований подозревать, что на кольцо Анны-Марии кто-нибудь покусится. Так думал дворецкий, пока девушка не развеяла его уверенность.

– Вчера у виконта были перстни и подороже, чем его «дворянская честь». Однако же воры взяли только это кольцо. Это неспроста, Джон. Вы согласны? – произнесла баронесса, допила последний глоток кофе и покинула столовую.

Лайзу она нашла в своей спальне. Девушка складывала на место заколки, все еще лежавшие на столике перед зеркалом.

– Я рада, что тебе сегодня лучше, – улыбнулась Анна-Мария, заходя в комнату.

– Спасибо, госпожа, – с поклоном ответила служанка. «Да и может ли быть иначе теперь, когда я нашла надежное место для улик, могущих вывести полицию на меня...» – подумала Лайза.

Ее невольную улыбку Анна-Мария приняла за проявление хорошего настроения.

Глава 6. Беспокойство королевы

Столичное общество терялось в догадках, не зная, какого мнения следует придерживаться относительно баронессы Анны-Марии Грей. Она была слишком очаровательна, чтобы возможно было рассердиться на нее из-за оброненных в пылу минутной обиды слов. Она была слишком богата и знатна (в силу удачного замужества), чтобы в случае серьезного скандала можно было размышлять о ней, как о всякой другой девице в высшем свете.

Однако все эти соображения не имели вовсе никакого значения для той, кто превосходил Анну-Марию и знатностью, и богатством, и очарованием (пусть и существующим лишь в умах окружающих). Ее величество София, высказывая свое мнение о баронессе Грей, могла не оглядываться на окружающих, равно как и на саму Анну-Марию.

Стоит, правда, заметить, что мнение одного человека все же волновало королеву. Человеком этим был ее супруг – король Эдуард, и, видимо, поэтому он стал первым, кого ее величество удостоила сомнительной чести выслушать свой гневный отзыв о поведении Анны-Марии в имении его благородия барона Грея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.